

РкШ24(чур)

882

4758 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИЖИ +

Ш24(49к)

Индикатор

Ш3(2-4к) Д82

Инв. №

2626925

Автор

Название

Русские козацкие
кобзарьские

Место, год издания

Тернополь 1897г

Кол-во стр.

106 [1]с.

- " - отд. листов

- " - иллюстраций

- " - карт

- " - схем

Том

часть

вып.

Конволют

Примечание:

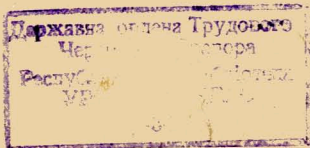
10/11/92 Лек

1993.
12.11-88886

1994

211.05-120

Ш 24 (и У КР) № 3 (2-142)
882

ДУМЫ

КОБЗАРСЬКІИ.

26269252

Державна бібліотека
Чернігова
Республіканська бібліотека
УРСР імені КПРС
-3

Видано підъ доглядомъ В. Грипченка.

У ЧЕРНИГОВИ, 1897.

Зъ друкарни „Губернскаго Земства.“

~~Ш3(221/12) - 613~~

Ш24(49/20) (= 411.1) *

~~~~~  
Дозволено цензурою. Київ, 18 ноября 1896 г.  
~~~~~


ПРО ВДОВУ И ТРЬОХЪ СЫНИВЪ.

Ой якъ на славній Украини,
Та въ славнимъ городи у Крылѡви,
Тамъ жыла стара жена удова
И мила въ себе тры сыны,
Якъ ясни соколы.
Зъ малыхъ литъ до велького зросту кохала-
годувала,
Чужымъ рукамъ на потырання не давала,
Славы-памъяты сподивалась.
Скоро сыны порослы,
Уси тры до розуму дойшлы,
Уси тры кони посидлалы
И на рынокъ Крыливський гулять поийжджалы.
По рынку Крыливському проийжджалы,
Ни доброго, ни худого не выдалы;
У домивку прыйжджалы,
Ой у домивци не вельку зазнобку счынылы—
Матку стареньку зъ двора выгонылы:
„Иды ты, маты, де инде пробуваты,
„Хлиба-солы зъ упокоемъ ужываты!
„Бо будуть, маты, въ насъ жены молоды,
„Диткы маленькыи,
„Будешъ ты ихъ прокlynаты—
„Ой не будуть вони щастя доли соби маты.
„Ато ты йды де инде пробуваты,
„Хлиба-солы зъ упокоемъ ужываты.“
То маты се зачувае,

Словамы промовляе:

„Ой сыны жъ вы мои, диты молодіи!
Скилки я за вами рикъ горювала,
Пучкамы та ручкамы хлиба заробляла

Та васъ годувала, —

Теперь чого я одъ васъ диждала!

Де жъ мени смерты диждаты,

Пры старости литъ вику свого докинчаты?“

То маты йде зъ двора спотыкається,

За слъозамамы свита божого не выдае,

Сынивъ своихъ клене-прокльнае:

„Бодай же васъ, сыны мои, бидни вдовыченки,

у поли

„Побыло разомъ тры недоли:

„Щобъ васъ перва доля побыла —

„Щобъ Богъ хлиба не вродывъ;

„А друга доля щобъ побыла —

„Щобъ не стали васъ люде знаты,

„Добрымъ словомъ поклыкаты;

„Третья доля щобъ побыла —

„Щобъ вы у свойй домивци на промешканни

щастя-доли не малы!“

То десь узався близькый сусида,

Матку стареньку изъ земли пидіймае,

Хустку свою съ кышени выймае,

Вдови старій слъозы втырае:

„Иды ты, маты, до мене пробуваты,

„Хлиба-солы зъ упокоемъ ужываты,

„Будешъ ты насъ на все добре наущаты,

„Будемъ мы тебе шануваты й поважаты.“

То маты йде, спотыкається,
За сльозамы свита Божого не выдае.
А сынъ сыдыть найменчый у кватырку поглядае,
Изъ матки старенькой насмихається:
„Ой дывиться,“ каже, „братця:
„Лыбонь же наша маты стара попередь насъ у
жыда-рандаря пробувала:
„Добру горилку попывала:
„Не дурно йде, спотыкається:
„Пидь плечемъ пляшку несе або, може, й другу.“
То жывуть сыны годъ або й два або й тры.
Заразъ имъ Богъ погодывъ—
У поли хлибъ не вродывъ.
Заразъ друга ихъ доля побыла—
Не стали ихъ люде знаты,
Добрымъ словомъ поклыкаты.
Третья доля ихъ побыла—
Ой не стали воны въ домивци на промешканни
изъ молодыми женамы щастя й доли соби маты.
То въ недилю рано-пораненьку,
Не буйни витры шумилы,
Не дрибни дощыкы накрапалы,
Якъ бидни вдовыченкы у своему двори гомонилы:
„Ходимо,“ каже, „мы, братте, у чужый двирь
„Да упадемо матери старенькый крыжемъ до нигъ.
„Поки мы матирь свою поважалы,
„Поты намъ Богъ годывъ;
„А не стали мы матки старенькой знаты,
„Заразъ насъ перва доля побыла—
„Богъ хлиба не вродывъ;

„А друга доля насъ побыла—
Не стали насъ люде знаты
И добрымъ словомъ поклыкаты;
Третья доля насъ побыла—

„Не стали мы въ домивци на промешканни зъ
молодымы женамы щастя й доли соби маты.

„То йды ты, маты, до насъ, старая, пробуваты,

„Зъ упокоемъ хлиба-солы вжываты.

„Мы своихъ будемъ женъ наущаты,

„Щобъ на тебе не нарикалы.“

То маты старая ой до Бога руки здймае:

„Ой не услышай, Господы, клятьбы моеи,

„Що я своихъ синивъ кляла-проклянала:

„У свойй голови велькый прасунокъ мала.“

Заразъ имъ Богъ погодывъ—

У поли хлибъ уродывъ;

Заразъ ихъ стали люде знаты,

Добрымъ словомъ поклыкаты;

Стали вони въ домивци на промешканни щастя

й долю соби маты.

Одъ кобзаря Архыпа Ныконенка съ Полтавської губ.

ПРО СЕСТРУ ТА БРАТА.

Ой у недилу рано-пораненьку,

Ой то ранними зорямы,

То не сыва зозулька закувала,

То не дрибна пташка щебетала,
Якъ сестра до брата на чужу чужыну
Добрымъ здоровьямъ поклонялася;

Ой кватырочку одчыняла,
Словамы промовляла,
Сльозамы рыдала:

„Братіку мій ридный,

„Якъ голубонько сызый!

„Прыбудь ты до мене,

„Одвідай ты мене

„На чужій чужыні,

„Пры злій хуртовыні,

„Пры нещасливій годыні.“

„Сестро,“ каже, „мыла,“

„Родыно сердешна!

„Не могу я до тебе прыбываты;

„Я прожываю за темнымы лугамы,

„За шырокымы полямы,

„За быстрымы рикамы.“

„Братіку мылай,

„Якъ голубонько сызый!

„Прыбудь же ты до мене!

„Темны луженькы ясенькымъ соколонькомъ
перелеты,

„Шырокыи поля малымъ невеликымъ перепе-
лонькомъ перейды,

„Быстры риченькы й озера билымъ лебедонь-
комъ переплывы;

- „Сядь-пады у моимъ двори сывымъ голубонькомъ,
„Головку схылы,
„Жалибненько загуды.
„Нехай я буду выхождаты,
„Ой по голосу пизнаваты,
„Родыною сердешною называты
„И на хлибъ на силь заклыкаты,
„И на здоровья тебе, брате, буду пытаты.“
„Сестро,“ каже, „мыла,
„Родыно сердешна!
„Ой сподивайся мене тоди въ гости,
„Якъ будутъ о Пётри быстрыи рики-озера за-
мерзаты,
„Объ Риздвѣ калына въ лузи процвитаты.
„Пійды ты, сестро, до тыхого Дунаю,
„Визьмы ты, сестро, писку у билу ручку,
„Посій ты, сестро, на каминю:
„Колы той буде писокъ на билому камени
зихожаты,
„Сынимъ цвитомъ процвитаты,
„Хрещатымъ барвинкомъ биленькый каминь
устылаты,
„Тоди, сестро, буду до тебе въ гости пры-
буваты,
„Твого жыття пры бидности доглядаты.“
„Братику,“ каже, „мылый,
„Якъ голубонько сызый!

- „Не теперь я на ногахъ стала,
„Одъ старыхъ людей прыповисты такой не чувала,
„Щобъ о Петри быстрыи рики-озера замерзалы,
„Щобъ обь Риздвѣ калына въ лузи процвитала,
„Щобъ жовтый писокъ на билому камени
зихожавъ,
„Щобъ сынимъ цвитомъ процвитаты,
„Хрещатымъ барвинкомъ биленькый каминь
устылаты!
„А лышь, братику, тебе до вику не сподиваты!
„Якъ на празныкъ хвалебенъ люде до церкви
йдуть,
„Якъ бжилкы гудуть,
„Чужи братики зихожаються,
„Братъ изъ братомъ,
„Сватъ изъ сватомъ,
„Кумъ изъ кумомъ,
„Сестра съ сестрою,
„Одно зъ однимъ схожається
„И празныкомъ хвалебнымъ поздоровляється;
„А мене плече съ плечемъ, пола съ полою торкае,
„И въ вичи не выдае.
„Ой якъ у нашего отця та й матки пылы та
йидалы,
„Тоди насъ и кумы й побратымы добре зналы,
„А якъ насъ прыбыла недобра годына,
„Одцуралась насъ близькая и далекая, вся на-
званая сердешная родына!

„Тяжко,“ каже, „братику!..
„Якъ птыци пернатій въ чистимъ поли безъ древа
ночуваты,
„Якъ тяжко та важко живій рыби безъ воды
проживаты,
„Якъ тяжко та важко билый каминь зъ сырой
земли проты себе изняты,
„Ой такъ тяжко та важко на чужій чужыни безъ
кревной родыны помираты!“
Одъ кобзаря Архыпа Ныконенка съ Полтавської губ.

НЕВОЛЬНЫЦЬКЫЙ ПЛАЧЪ.

I.

Не ясный сокиль квылыть-проквыляе,
Якъ сынъ до батька-до матери съ тяжкой неволи
въ города хрыстьянськи поклонъ посылае,
Сокола ясенького риднымъ братомъ называе:
„Соколе ясный,
„Брате мій ридный!
„Ты высоко литаешъ,
„Ты далеко выдаешъ,—
„Чому въ мого батька-у матери никола въ го-
стяхъ не буваешъ?
„Полынь ты, соколе ясный,
„Брате мій ридный,
„У города хрыстьянськи,

- „Сядь-пады
„У мого батька й матери передь воритьмы,
„Жалибненько проквылы,
„Объ моеи прыгоди козацької прыпомъяны.
„Нехай батько й матуся
„Мою прыгоду козацькую знають,
„Статкы, маетки збувають,
„Вельки скарбы збирають,—
„Головоньку козацькую съ тяжкой неволи вы-
зволюють!
„Бо якъ стане Чорне море сограваты,
„То не знатые батько, лыбонь матирь
„У которой каторзи шукаты:
„Чы у прыстани козловської,
„Чы у городи Царигради на базари.
„Будуть ушкалы, туркы-янычары набигаты,
„За Червонее море у Орабськую землю
запродаты,
„Будуть за насъ срибло-злото, не личачы,
„Сукна дороги поставамы, не мирячы,
„За насъ браты.“

II.

- То братъ-товаришъ тее зачувае,
До брата-товарыша промовляе:
„Товарыше, брате мій ридный!
„Та не треба намъ въ города хрыстыянськи
поклону посылаты,
„Своему батьку й матци билшого жалоу
завдаваты:

- „Бо хоча нашъ батько й маты будуть добре
дбаты,
„Грунты, велики маетки збуваты,
„Скарбы збираты,—
„Та не знатимуть де, въ якій тяжкій неволи
турецькій, сынивъ своихъ шукаты:
„Що сюды ни хто не захожае,
„И людъ хрещений не заиждае,
„Тилкы соколы ясеньки литають,
„На темныци сидають,
„Жалибненько квылять-проквыляють,
„Насъ всихъ бидныхъ невольныкы у тяжкій
неволи турецькій
„Добрымъ здоровьямъ навищають.“

III.

- Тогда далася бидному невольнику
Тяжкая неволя добре знаты:
Кайданы руки-ногы позйидалы,
Сырая сырыця до жовтой кости
Тило козацькее проидала.
То бидныи невольныкы на кровъ, на тило
поглядалы,
Объ вири хрыстыянській гадалы,
Землю турецьку, виру бусурменськую проклиналы:
„Ты, земле Турецькая, виро бусурменська!
„Ты есь наповнена срибломъ-злотомъ
„И дорогимы напыткамы;
„Тилко жъ бидному невольнику на свити невилно:
„Що бидныи невилныкы у тоби пробувають,

- „Празныка Риздва, чы то Велькодня не
знають,
„Все у неволи проклятой, на каторзи турецькой
„На Чорнимъ мори пробувають,
„Землю турецькую, виру бусурменськую про-
клинають:
„Ты, земле турецька, ты, виро бусурменська,
„Ты, розлуко хрыстыянська!
„Уже бо ты розлучыла не едыного за симъ чить
войною
Мужа зъ жоною, брата зъ сестрою,
„Дитокъ малёнькихъ зъ отцемъ и маткою!
„Вызволь, Боже, бидного невольныка
„На святоруський берегъ,
„На край весельй,
„Мижъ народъ хрещений!“

НЕВОЛЬНЫЦЬКЫЙ ПЛАЧЪ.

I.

Що на Чорному морю,
На тому билому каменю,
У потреби царськый,
У громади козацькый
Много тамъ вйська понажено,
У тры ряды бидныхъ безщасныхъ невольныкивъ
посажено,
По два та по тры до-купы посковано,
По двое кайданивъ на ноги покладено,
Сырою сырыцею назадъ руки повъязано.

II.

Ой у святу жъ то було недилу,—не сызи орлы
заклекоталы,
Якъ то бидни безщасни невольныкы у тяжкій
неволи заплакалы,

На колина упадали,
У гору руки пидіймалы,
Кайданами забряжчалы:

Господа мылосердного прохалы та благалы:

„Подай намъ, Господы, зъ неба дрибенъ дощыкъ,
А зъ нызу буйный витерь!

„Хочай бы чы не встала на Чорному морю
быстрая хвыля;

„Хочай бы чы не повыривала якоривъ съ ту-
рецькой каторгы!

„Да вже жъ ся намъ турецька-бусурменська ка-
торга надоила:

„Кайданы-зализо ноги поврывало,

„Биле тило козацьке молодецьке коло жовтои
кости пошмугляло!“

III.

Баша турецький, бусурманський,
Недовироць хрыстьянський,
По рынку винъ похожае,
Винъ самъ добре тее зачувае,

На слугы свои, на туркы янычары зо зла гукае:

„Кажу я вамъ, туркы янычары, добре вы дбайте!

„Изъ ряду до ряду захожайте,

„По три пучкы терныны и червонои таволгы
набирайте,

„Бидного невольника по трычи въ однимъ місци затынайте!“

То ти слугы, туркы-янычары, добре дбалы,

Изъ ряду до ряду захожалы,

По тры пучкы терныны и червонои таволгы у
рукы набиралы,

По трычи въ однимъ місци бидного невольника затыналы,

Тило биле козацьке молодецьке коло жовтои
кости оббывалы,

Кровъ хрыстыянську неповынно проливалы.

IV.

2626925 Сталы бидни невольныкы на соби кровъ хрыстыянську забачаты,

Сталы землю турецьку, виру бусурменську клясты-прокляты:

„Ты, земле турецька, ви ро бусурменська,

„Ты, розлуко хрыстыянська!

„Не одного ты розлучыла мужа зъ жоною,

„Брата зъ сестрою,

„Дитокъ маленькихъ зъ отцемъ и маткою!

„Хто у тоби срибло-злото заробляе,

„Въ чужи земли несе, пье-гуляе;

„У турецькій земли одрадоу соби не мае.“

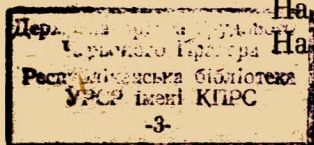
Вызволь, Господы, всихъ бидныхъ невольныкы въ

Съ тяжкой неволи турецькой,

Съ каторгы бусурменской

На тыхи воды,

На ясни зори,

У край веселый,
У мырѣ хрещеный,
На святоруській берегъ,
Въ города хрыстьянськи!
Даруй, Боже, мылосты вашій,
И всьому вѣйську запорозькому
На многая лита!

ПРО МАРУСЮ БОГУСЛАВКУ.

I.

Що на Чорному мори,
На камени биленькому,
Тамъ стояла темныця камъяная.
Що у тій то темныци пробувало симсотъ ко-
закивѣ,
Бидныхъ невольныкивѣ.
То вже трыдцять литъ у неволи пробувають,
Божого свиту, сонця праведного въ вичи соби
не выдають.

II.

То до ихъ дивка бранка,
Маруся, попивна Богуславка,
Прыхождае,
Словамы промовляе:
„Гей козаки,
Вы, бидныи невольныки!
„Угадайте, що въ нашій земли хрыстьянській
за день тепера?“

Що тоди бидни невольныкы зачувалы,
Дивку бранку,
Марусю, попивну Богуславку
По ричахъ пизнавалы,
Словамы промовлялы:

„Гей, дивко бранко,
„Марусю, попивно Богуславко!
„Почимъ мы можемъ знаты,

„Що въ нашій земли хрыстыянській за день
тепера?

„Що трыдцять литъ у неволи пробуваемъ,
„Божого свиту, сонця праведного у вичи соби
не выдаемъ.

То мы не можемо знаты,

Що въ нашій земли хрыстыянській за день
тепера.“

Тоди дивка бранка,
Маруся, попивна Богуславка,
Тее зачувае,

До козакивъ словамы промовляе:
„Ой козаки,

Вы бидныи невольныкы!

„Що сьгодні у нашій земли хрыстыянській
Велькодная субота,

„А завтра святой празникъ, роковой день
Вельк-день!“

III.

То тоди ти козаки тее зачувалы,
Билымъ лыцемъ до сырой земли прыпадалы,

2626925

Дивку бранку,
Марусю, попивну Богуславку,
Клялы проклиналы:
„Та бодай ты, дивко бранко,
„Марусю, попивно Богуславно,
„Щастя й доли соби не мала,
„Якъ ты намъ святой празныкъ, роковий день
Вельк-день сказала.“

IV.

То тоди дивка бранка,
Маруся, попивна Богуславно,
Тее зачувала,
Словамы промовляла:
„Ой козаки,
„Вы бидныи невольныки!
„Та не лайте мене, не проклинайте:
„Бо якъ буде нашъ панъ турецький до мечети
видийжджаты,
„То буде мени, дивци бранци,
„Маруси, попивни Богуславно,
„ На руки ключы виддаваты:
„То буду я до темныци прыхождаты,
Темныцю видмыкаты,
Васъ всихъ, бидныхъ невольныкивъ, на волю
выпускаты.“

V.

То на святой празныкъ, роковий день Вельк-
день,
Ставъ панъ турецький до мечети видийжджаты,

Ставь дивци бранци,
Маруси, попивни Богуславци,
На руки ключы виддаваты.
Тоди дивка бранка,
Маруся, попивна Богуславка,

Добре дбае, —

До темныци прыхождае,
Темныцю видмыкае,

Всихъ козакивъ,

Бидныхъ невольныкивъ

На волю выпускае

И словамы промовляе:

„Ой козаки,

„Вы, бидныи невольныки!

„Кажу я вамъ, добре дбайте,

„Въ города хрыстыянськи утикайте;

„Тилкы прошу я васъ, одного города Богусла-
ва не мыняйте.

„Моему батьку й матери знаты давайте:

„Та нехай мій батько добре дбае,

„Грунтивъ, великыхъ маеткивъ нехай не
збувае,

„Великыхъ скарбивъ не збирае,

„Та нехай мене, дивкы бранкы,

„Маруси, попивны Богуславкы,

„Зъ неволи не выкупае.

„Бо вже я потурчылась, побусурменылась,

„Для роскоши турецькой,

„Для лакомства нещасного!“

VI.

Ой вызволи, Боже, насъ всихъ, бидныхъ не-
вольныкивъ,

Съ тяжкою неволи,
Зъ виры бусурменської,
На ясни зори,
На тихи воды,
У край веселый,
У мыръ хрещений!

Выслухай, Боже, у прозьбахъ щырыхъ,
У нещасныхъ молитвахъ

Насъ, бидныхъ невольныкивъ!

Одъ кобзаря Рыгоренка запысано въ Харьковщени.

ПРО ТРЬОХЪ БРАТИВЪ ОЗИВСЬКЫХЪ.

I.

Ой то не пылы пылылы,
Не туманы уставалы,—
Якъ изъ земли турецькой,
Да зъ виры бусурменської,

Изъ города изъ Озива, съ тяжкою неволи,
Тры братики втикалы.

Два кинныхъ, третій пиший пишениця,
Якъ бы той чужый чужениця,
За кинными бижыть-пидбигае,

На сыре кориння, на биле каминня
Нижкы свои козацькыи посикае, кровью слиды
зальвае,

До кинныхъ бративъ добигае,
За стремена хватаетъ,
Словамы промовляе:

- „Станьте вы, братця, коней попасите, мене пи-
дождите,
„Эъ собою визьмите, до городивъ хрыстьянсь-
кихъ хочъ мало пидвезите.
„Нехай же я буду знаты,
„Куды въ города хрыстьянськи
„До отця, до матери дохождаты.“

И ти браты тее зачувалы,
Словамы промовлялы:

- „Ой, братику нашъ меншый, мылый,
„Якъ голубонько сывый!
„Ой та мы самы не втечемъ
„И тебе не ввеземо:
„Бо изъ города Озива буде погоня вставаты,
„Тебе, пишого, по тернахъ та въ байракахъ
мынаты,
„А насъ, кинныхъ, буде доганяты,
„Стриляты-рубаты,
„Або живыхъ у полонъ завертаты.
„А якъ живъ-здоровъ будешъ,
„Самъ у землю хрыстьянську прыбудешъ.“

И тее промовлялы,
Видтиль побигалы.

А менчий братъ, пиша пишениця,
За кинными братамы вганяе,
Кони за стремена хватае
И словамы промовляе,
Слизьмы обльвае:
„Братикы мои ридненьки,
„Голубонькы сывеньки!
„Колы жъ мене, братця, не хочете ждаты,
„Хочъ одно жъ вы мылосердя майте:
„Назадъ коней завертайте,
„Изъ пиховъ шабли выймайте,
„Мени съ пличь голову здіймайте,
„Тило мое порубайте,
„Въ чыстимъ полю поховайте,
„Звиру та птыци на поталу не дайте!“

И ти браты тее зачувалы,
Словамы промовлялы:
„Братику мылуй,
„Голубоньку сывый!
„Що ты кажешъ?
„Мовъ наше серце ножемъ пробываешъ!
„Що наши мечи на тебе не здіймутся,
„На дванадцять частей розлетяться,
„И наша душа грихивъ до вику не видкупытсья.
„Сього, брате, изроду нигде не чувалы,
„Щобъ ридною кровью шабли обмывалы,
„Або гострымъ спысомъ опрощення бралы.“

„Колы жъ не хочете, бѣратця, мене рубаты,
„То прошу васъ, бѣратця, якъ будете до бай-
ракивъ прыбуваты,
„Тернови виты въ запилля рубайте,
„Мени прызнаку покидыайте!

То вже два козаки въ байраки вѣйижжае;
Середульшый бѣратъ мылосердя мае:
Верховиття у тернивь стынае,
Меншому бѣрату прымиту покидыае.

Отоди жъ то до Савуръ-могылы добигалы,
На Савуръ-могылы тры дни, тры ночи спочывалы,
Свого найменшого бѣрата, пишу пишеныцю, пид-
жыдалы.

II.

А менчый бѣратъ, пиша пишаныця,
До тернивь, до байракивъ добигае,
И тернове виття, верхы у руки бере-хапае,
До серця козацького прыкладае,
Слизьмы облывае:
„Сюды мои два бѣраты кинни пробигалы,
Тернови виття, верхы стыналы
„И мени, найменшому бѣрату, пишій пишеныци,
„На прызнаку покидыалы,
„Щобъ знавъ я съ тяжкою неволи
„Въ землю хрыстыянську,
„До бѣатка, до матери, до роду уतिकаты.“

Тее промовляе,
Виттиля побигае,
Изъ байракивъ, изъ мелюсивъ выбигае.
Нема ни тернивъ, ни байракивъ,
Ніякихъ признакивъ
И тилко поле лыліе,
На йому трава зеленіе.

III.

То ставъ же братъ старшій та середульшій
на поливку избигаты,
На степы високи, на вельки дороги рос-
хидныи,

Не стало тернивъ та байракивъ рубаты,
Меншому брату прыкмету покыдаты;
До ставъ же братъ середульшій до меншого
промовляты:

„Нумъ, брате, изъ себе зелени жупаны скидаты,
„Червону та жовту кытайку выдыраты,
„Пишому брату меншому прыкмету покладаты.
„Нехай винъ, бидный, знае, куды за намы, кин-
нымы, тикаты.“

До ставъ же братъ старшій згорда словами
промовляты:

„Чы подобенство, брате, щобъ я свое добро
турецьке на шматкы дравъ,
„Брату меншому на признаку дававъ?
„Якъ винъ живъ-здоровъ буде,

„Такъ самъ у земли хрыстыянськи, безъ на-
шыхъ признакивъ усякихъ, прыбуде.“

До братья середульшый мылосердя мае,
Изъ своего жупана червону та жовту кытайку
выдырае,

По шляху стеле-покладае,

Меншому брату прыкмету зоставляе.

То середульшый братья старшому брату слова-
мы промовляе:

„Брате мій старшый, ридненькый! прошу я
тебе:

„Тутъ травы зелени, воды здорови, очереты
удобни;

Станьмо хочъ мало-немного кони свои попасимо,

„Свого пишого брата хочъ трохи подождимо,

На коней возьмимом,

„Въ города хрыстыянськи хочъ мало надвезимо.

„Нехай же нашъ найменшый братья буде знаты,

„Куды въ города хрыстыянськи до отця,
до маткы доходяты.“

То старшый братья до середульшого брата сло-
вамы промовляе:

„Чы ще жъ тоби катерга турецька не ввирылася,

„Сырыця у руки не вйидалася?

„Якъ будемо своего брата пишого надждыдаты,

„То буде за нами зъ города Озива велька погоня
уганяты,

„Буде насъ, кинныхъ бративъ, доганяты,
„Буде насъ на тры штуку рубаты,
„Або буде насъ у гиршу неволю живцемъ за-
вертаты,
„А нашого найменшого пишого брата
„Буде въ тернахъ, у байракахъ на спочынкахъ
мынаты;
„То мы свого брата пишого не ввеземо,
„А самы зъ Озивськой турецькой неволи не
втечемо.“

IV.

То якъ ставъ пишеходець изъ тернивъ выхóдыты,
Ставъ червону кытайку нахóдыты:
У руки хватае, дрибными сльозамы обльвае.
„Не дурно, промовляе, червона кытайка по
шляху валяе:
Мабуть моихъ бративъ на свити немає!..
„Мабуть за ными зъ города Озива погоня вставала,
„Мене въ тернахъ на спочыви мынала,
„Бративъ моихъ доганяла, стреляла, рубала!
„Колы бъ я мигъ знаты,
„Чы моихъ бративъ постреляно,
„Чы ихъ порубано,
„Чы ихъ живыхъ у руки забрано,
„Эй, до пишовъ бы я по тернахъ, по байра-
кахъ блукаты,
„Тила козацького-молодецького шукаты,
„Да тило козацьке-молодецьке
„У чыстимъ поли поховаты.

„Звиру-птыци на поталу не податы.“

На шляхъ муравський выбигае,
И тилкы своихъ бративъ ридныхъ трошкы
слиды забачае.

Та побыло жъ меншого брата въ поли
Тры нецоли:

Що одно—безвиддя, друге—безхлибье
Трете— буйный витерь въ поли повивае,
Бидного козака зъ нигъ валяе...

До Савуръ-могылы прыбувае,
На Савуръ-могылу зихожае,
Тамъ соби безпечно девъятого дня спочывокъ мае,
Девъятого дня изъ неба воды-погоды выжыдае.

Мало-немного спочывавъ,
Ажъ ось до його вѳвци-сироманци находдалы,
Орлы-чорнокрыльци налиталы,
Въ головкахъ сидалы,—
Хотилы заздалегоды жывота темный похоронъ
одправляты.

Тоди винъ ихъ забачае,
Словамы промовляе:
„Вовци-сироманци, орлы-чорнокрыльци,
„Гости мои мыли!
„Хоть мало-немного подождите,
„Поки козацька душа зъ тиломъ розлучыться.
„Тоди будете мени зъ лоба чорни очи высмыкаты,
„Биле тило коло жовтои кости оббираты,

„Попидь зеленымы яворами ховаты
„И комышамы вкрываты.“

Мало-немножко спочывавъ...

Отъ, рукамы не визьме,
Ногамы не пйде.

И ясно очыма на небо не згляне...

На небо взырае,
Тяжко здыхае;

„Голово моя козацька,

„Голово моя молодецька!

„Бувала ты у земляхъ турецькихъ,

„У вирахъ бусурменськихъ,

„А теперь прыпало на безвидди, на безхлибьи
погыбаты.

„Девъятый день хлиба въ устахъ не маю,

„На безвидди, на безхлибьи погыбаю!“

Тутъ тее промовлявъ,—и не чорна хмара налитала,

Не буйни витры винулы,

Якъ душа козацька молодецька съ тиломъ роз-
лучалась.

Тоди вовци-сироманци находдалы,

Биле тило козацькее жваковалы,

И орлы-чорнокрыльци налиталы,

Въ головкахъ сидалы,

На чорни кучери наступалы,

Изъ пидъ лоба очи высмыкалы;

Тоди ще й дрибна птыця налитала,

Коло жовтой кости тило оббирала.
Ще й зозули налиталы, у головахъ сидалы,
Якъ ридни сестры кувалы.
Ще й вовкы сироманы находдалы,
Жовту кисть по балкахъ, по тернахъ розношалы
По-пидъ зеленымы яворамы ховалы,
И комышамы вкрывалы,
Жалибненько квылылы-проквылялы:
То жъ воны козацькый похоронъ одправлялы.

V.

А ще стали два старши браты до ричкы Са-
маркы прыбигаты,
Стала ихъ темна ничка обійматы;
Ставъ братъ старшый до середульшого про-
мовляты,

„Станьмо, братику, тута, кони попасимо:
„Тутъ могылы велькы,
„Трава хороша
„И вода погожа;
„Станьмо тутечка пидождимо,
„Поки сонце обитріе:
„Чи не прыбуде икъ намъ нашъ пиший-
пихотынець;
„Тоди на його вельке усердіе маю,
„Усю добычъ скидаю,
„Його, пишого, миждо кони хватаю.“

— „Було бъ тоди, брате, якъ я казавъ, хвататы!
„Теперь девъятый день мынувъ,
„Якъ хлибъ-силь йивъ,

„Воду пывъ,
„Доси й на свити немає.“

Тоди воны коней пусто́пашъ попускалы,
Кульбаки пидъ себе послалы,
Ружжа по комышахъ поховалы,
Беспечно спать полягалы,
Свитовой зори дожыдалы.
Ставъ Божый свить свитаты,
Сталы воны на кони сидаты,
Черезъ ричку Самарку у хрыстыянськи земли
утикаты,—
Ставъ братъ старшый до середульшого про-
мовляты:
„Якъ мы будемъ, братику, до отця, до маткы
прыбуваты,
„Якъ мы имъ будемъ повидаты?
„Будемъ мы, брате, по правди казаты,—
„Буде насъ отець-маты прокlynаты;
„А будемо мы передъ отцемъ, передъ маткою
олгаты,—
„Такъ буде насъ Господь мылосердный и вы-
дымо, й невыдымо караты.
„А хыба, брате, такъ скажемо,
„Що не въ одного пана пробувалы,
„Не одну неволю малы,
„И ночной добы съ тяжкой неволи втикалы,
„Такъ мы й до його забигалы:
„Устань, брате, зъ нами, козакамы, зъ
тяжкой неволи втикаты!“

„Лыбонь то винь такъ исказавъ:
Тикайте жъ вы, братця,
„А я буду тутъ оставаться:
„Чы не буду соби луччого щастя-доли маты.“
„А буде отець-маты помираты
„И будемъ грунтá-худобу на дви части паюваты,
„И трете мижъ намы не буде мишаты.“

VI.

Тутъ тее промовлялы,
И не сызи орлы заклекоталы,
Якъ ихъ туркы-яныченькы изъ-за могылы
напалы,
Пострелялы-порубалы,
Кони зъ здобыччу назадъ у городъ, у Турещыну
позаверталы...
Полягла двохъ бративъ голова выще ричкы
Самаркы,
Третья у Савуръ-могылы.
А слава не вмре, не поляже
Одныни до вика.
А вамъ на многая лита!

ПРО КИШКУ САМЙЛА.

I.

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала кгалера,
Трьома цвитамы процвитана, мальована.
Ой первымъ цвитомъ процвитана—

Златосыними кындякамы побывана;
А другимъ цвитомъ процвитана—
Гарматамы арештована;
Третимъ цвитомъ процвитана—
Турецькою билою габою покрівена.

То въ тій кгалери Алканъ-баша,
Трапезонськее князя гуляе;
Избраного люду соби мае:
Симсотъ туркивь, янычаръ чотыриста,
Та бидного невольныка пивчвартаста,
Безъ старшыны вйськовой.
Первый старший мижъ ными пробувае
Кишка Самйло, гетьманъ запорозькый;
Другый—Марко Рудый,
Суддя вйськовый;
Третій—Мусій Грачъ,
Вйськовый трубачъ;
Четвертый—ляхъ-потурнакъ,
Клюшныкъ кгалерськый,
Сотныкъ переяславськый,
Недовирокъ хрыстыянськый,
Що бувъ трыдцять литъ у неволи,
Двадцять чотыри якъ ставъ на воли,
Потурчывся, побусурманывся,
Для панства велького,
Для лакомства нещасного.

II.

Въ тій кгалери одъ пристани далеко видпускали,

Чорнымъ моремъ далеко гулялы,
Проты Кефы-города приставалы,
Тамъ соби велыкий та довгый опочынокъ малы.

То представыться Алкану-башати,
Трапезонському княжати, молодому паняти,
Сонъ дывенъ, барзо дывенъ на прочудо.
То Алканъ-баша,
Трапезонськее князя,

На туркивъ-янычаръ, на бидныхъ невольныкивъ
поклыкае:

„Туркы, каже, туркы-янычары,

„И вы, бидны невольныкы!

„Который бы мигъ турчынъ-янычаръ сей сонъ
одгадаты,

„Мигъ бы йому тры грады турецькыи дароваты;

„А который бы мигъ бидный невольныкъ од-
гадаты,

Мигъ бы йому лысты вызволени пысаты,

Щобъ не мигъ ништо нигде зачипаты.“

Сее туркы зачувалы, ничого не сказалы;

Бидни невольныкы, хочъ добре знали,

Соби промовчалы.

Тилкы обизветься мижъ туркивъ ляхъ-потур-
накъ,

Клюшныкъ кгалерськый,

Сотныкъ переяславськый,

Недовирокъ хрыстыянськый:

„Якъ же, каже, Алкане-башо, твій сонъ од-
гадаты,

- Що ты не хочешъ намъ повидаты?“
— „Такий мени, небожята, сонъ приснывся,
„Бодай никола не яввся!
„Выдыться: моя кгалера цвиткована, мальована,
„Стала вся обидрана, на пожаръ испускана;
„Выдыться: мои туркы-янычары
Сталы вси въ пень порубани;
„А выдыться: мои бидны невольныкы,
„Которы булы у неволи,
„То вси сталы по воли;
„Выдыться: мене гетьманъ Кишка
„На тры часты ростявъ,
„У Чорнее море пометавъ...“

- То скоро тее ляхъ-потурнакъ зачувавъ,
Къ йому словамы промовлявъ:
„Алкане-башо, трапезонський княжату,
„Молодой паняту!
„Сей тоби сонъ не буде ни трохи зачипаты;
„Скажи мени получче бидного невольныка до-
глядаты,
„Зъ ряду до ряду сажаты,
„По два, по тры, старыи кайданы и новыи ис-
правляты,
„На руки, на ноги надиваты;
„Червоной таволгы (*) по два дубци браты,
„По шыяхъ затынаты,
„Кровъ хрыстыянськую на землю прольваты!“

(*) Spirea.

III.

Скоро то сее зачувалы,
Одъ прыстани кгалеру далеко видпускалы;
До города до Козлова,
До дивкы санджакивны на зальоты поспишалы.
То до города Козлова прыбувалы,—
Дивка санджакивна на встричу выхожае,
Алкана-башу въ городъ Козловъ зо всимъ вѣйс-
комъ затыгае.

Алкана-башу за билу руку брала,
У свитлыци-камьяныци зазывала,
За билу скамню сажала,
Дорогымы напыткамы наповала,
А вѣйсько середъ рынку сажала.

То Алканъ-баша,
Трапезонськее князя,
Не барзо дороги напыткы ужывае,
Якъ до кгалеры двоухъ турчынивъ на-пидслухы
посылае:
Щобъ не мигъ ляхъ-потурнакъ Кишки Са-
мѣйла одмыкаты,
Упóручь себе сажаты.

IV.

То скоро ся тыи два турчыны до кгалеры пры-
бувалы.
То Кишка Самѣйло, гетьманъ запорозькый
Словамы промовляе:

„Ой ляше-потурначе, брате старесенький!
„Колысь и ты бувъ у такій неволи, якъ мы
тепера:

„Добро намъ учыны,
„Хочъ насъ, старшыну, видомкны;
„Хай бы и мы у городи побувалы,
„Панське весилля добре знали.“

Каже ляхъ-потурнакъ:
„Ой Кишко Самійлу, гетьмане запорозький,
„Батьку козацький!
„Добро ты вчыны:
„Виру хрыстыянську пидъ нози пидтопчы,
„Хрестъ на соби поламны.
„Аще будешъ виру хрыстыянську пидъ но-
зи топтаты,
„Будешъ у нашого пана молодого за ридного
брата пробуваты.“

То скоро Кишка Самійло тее зачувавъ,
Словамы промовлявъ:
„Ой ляше-потурначе, сотнику переяславський,
„Недовирку хрыстыянський!
„Бодай же ты того не диждавъ,
„Щобъ я виру хрыстыянську пидъ нози топтавъ
„Хочъ буду до смерты биду та неволю прыйматы,
„А буду въ земли козацькій голову хрыстыянсь-
ку покладаты.
„Ваша вира погана,

„Земля проклята.“

Скоро ляхъ-потурнакъ тее зачувае,

Кишку Самійла у щоку затынае.

„Ой, каже, Кишко Самійлу, гетьмане запорозькій!

„Будешъ ты мене въ вири хрыстыянській укоряты,

„Буду тебе паче всіхъ невольныкивъ доглядаты,

„Старии и новии кайданы направляты,

„Ланцюгамы за поперекъ утроє буду тебе браты.“

V.

То тии два турчыны тее зачувалы,

До Алкана-башы прыбувалы:

„Алкане-Башо, трапезонське князя!

„Безпечно гуляй!

„Доброго и вирного ключныка маешъ:

„Кишку Самійла въ щоку затынае,

„Въ турецьку виру ввертае.“

То Алканъ-баша

Трапезонськее князя

Велькую радистъ мало,

Пополамъ дороги напытки роздиляло:

Половину на кгалеру одсылало,

Половину зъ дивкою санджакивною уживало.

VI.

Ставъ ляхъ-потурнакъ дорогии напытки пыты-
пидпиваты,

Сталы умыслы козацьку голову кляшныка роз-
бываты:
„Господы! есть у мене що испыты и исходыты,
„Тилкы ни съ кымъ объ вири хрыстыянскій
поговорыты...“

До Кишки Самійла прыбувае,
Поручь себе сажае,
Дорогого напытка метае,
По два по тры кубкы въ руки наливае.
То Кишка Самійло по два, по тры кубкы въ
руки бравъ,
То въ рукава, то въ пазуху, скрызъ хусту третю
додолу пускавъ.
Ляхъ-потурнакъ по едыному выпывавъ,
То такъ напывся,
Що зъ нигъ звалывся.

VII.

То Кишка Самійло та й угадавъ:
Ляха-потурнака до лижка вмисто дытыны спа-
ты клавъ;
Самъ висимдесять-чотыри ключы съ пидъ голивъ
выймавъ,
На пъяты чоловикъ по ключу дававъ:
„Козаки панове! добре дбайте:
„Одынъ другого одмыкайте,
„Кайданы изъ рукъ изъ нигъ не скидайте,
„Полуночної годыны дожыдайте.“

Тоди козаки одынъ другого одмыкалы,
Кайданы изъ рукъ, изъ нигъ не скидали,
Полуночної годины дожыдали.
А Кишка Самійло чогось догадавъ,
За бидного невольныка ланцюгами втрое себе
приймавъ,
Полуночної годины дожыдавъ.

VIII.

Стала полуночная година наступаты,
Ставъ Алканъ-баша зъ вѣйськомъ до кгалеры
прибуваты.

То до кгалеры прибувавъ,
Словамы промовлявъ:

„Вы, туркы янычары, помаленьку ячите,
„Мойого вирного ключныка не збудите;
„Самы жъ добре помижъ рядама проходите,
„Всякого чоловика осмотряйте,
„Бо тепера винъ пидгулявъ,
„Щобъ кому пильгы не давъ.“

То туркы-янычары свичы у руки бралы,
Помижъ рядивъ проходили,
Всякого чоловика осмотрялы...

Богъ помигъ: за замокъ руки не приималы!

„Алкане-башо, безпечно почывай:
„Доброго и вирного ключныка маешъ:
„Винъ бидного невольныка зъ ряду до ряду
посажавъ,
„По тры, по два, старыи кайданы посправлявъ;

„А Кишку Самійла ланцюгами утроє прийнявъ.

Тоди туркы-янычары у кгалеру вхожалы,
Безпечно спаты лягалы,
А которыи хмельни бувалы, на сонъ знемогалы,
Коло прыстани Козловської спаты полягалы.

IX.

Тоди Кишка Самійло полуночної годины дождавъ,
Самъ мижъ козакивъ уставъ,
Кайданы изъ рукъ, изъ нигъ у Чорнее море
поронявъ;

У кгалеру вхожае, козакивъ пробужае,
Шабли булатныи на выбиръ выбирае,
До козакивъ промовляе:

„Вы, панове молодци, кайданамы не стучите,
„Ясыны не вчыните,

„Ни которого турчына въ кгалери не збудите!..“
То козаки добре зачувалы:

Самы зъ себе кайданы скыдалы,
У Чорнее море металы,
Ясыны не вчынылы,

Ни одного турчына въ кгалери не збудылы.

Тоди Кишка Самійло до козакивъ промовляе:

„Вы, козаки молодци, добре, братте, дбайте:
„Одъ города Козлова заbigайте,

„Туркивъ-янычаривъ у пень рубайте,

„Которыхъ живцемъ у Чорнее море метайте!“
Тоди козаки одъ города Козлова заbigалы,

Туркивъ-янычаривъ у пень рубалы,
Которыхъ живцемъ у Чорнее море металы.

А Кишка Самійло Алкана-башу изъ лижка взявъ,
На три часты ростявъ,
У Чорнее море пометавъ,
До козакивъ промовлявъ:
„Панове молодци! добре дбайте:
Всихъ у Чорнее море метайте,
„Тилкы ляха-потурнака не рубайте,—
„Миждо військомъ для порядку, за ярызу військо-
вого, зоставляйте.“

Тоди козаки добре дбалы:
Всихъ туркивъ у Чорнее море пометалы,
Тилкы ляха-потурнака не зрубалы,—
Миждо військомъ для порядку, за ярызу війсь-
кового, зоставляли.

Тоди кгалеру одъ прыстани одпускалы,
Самы Чорнымъ моремъ далеко гулялы.

X.

Та ще у недилю, барзо рано-пораненьку,
Не сыва зозуля закувала,
Якъ дивка санджакивна коло прыстани пожожала
Та били руки ламала, словами промовляла:
„Алкане-башо, трапезонськее княжату!
„На що ты на мене такее велькее пересердіе
маешъ,
„Що одъ мене сьогодни барзо рано выижжаешъ?

„Колы бѣ була одѣ матери
„Сорома и наругы прыйняла,
„Съ тобою хочѣ едыну ничѣ переночувала!“

XI.

Скоро ся тое промовлялы,
Кгалеру одѣ пристани одпускалы,
Самы Чорнымъ моремъ далеко гулялы.

А ще у недиленьку,
У полуденну годиноньку,
Ляхъ-потурнакъ одѣ сна пробуждае,
По кгалери поглядае, що ни едыного турчына
на кгалери немае.

Тогди ляхъ-потурнакъ изъ лижка вставае,
До Кишки Самійла прыбувае, у ногы впадае:
„Ой, Кишко Самійлу, гетьмане запорозькый,
Батьку козацькый!

„Не будь же ты на мене,
„Якъ я бувъ на останци мого вику до тебе!
„Богъ тоби допомигъ неприятеля побидыты,
„Та не вमितынешъ у землю хрыстыянську
входыты!

„Добре ты вчыны:

„Половину козакивъ у оковы до опачынть посады,
„А половину у турецькее дорогее плаття наряды:
„Бо ще будемо одѣ города Козлова до города
Цареграда гуляты,
„Будуть изъ города Цареграда дванадцять кга-
леръ выбигаты,
„Будуть Алкана-башу зѣ дивкою санджакивною

„По зальотахъ поздоровляты;
„То якъ будешъ одвить даваты?...“

Якъ ляхъ-потурнакъ научывъ,
Такъ Кишка Самійло, гетьманъ запорозькій,
Половину козакивъ до опачынъ у оковы по-
учинывъ:
садывъ,
А половину у турецькее дорогее плаття на-
рядывъ.

ХП.

Сталы одъ города Козлова до города Царегра-
да гуляты,
Сталы изъ Цареграда дванадцять кгалеръ вы-
бигаты
И кгалеру изъ гарматы торкаты,
Сталы Алкана-башу зъ дивкою санджакивною
По зальотахъ поздоровляты.

То ляхъ-потурнакъ чогось догадавъ:
Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецькымъ биленькымъ завываломъ махавъ;
Разъ то мовить по грецькы,
Удруге потурецькы,
Каже: „вы, туркы-янычары, помаленьку, брат-
тя, ячите,
„Одъ кгалеры одверните:
„Бо тепера винъ пидгулявъ, на упокой почывае,
На похмилля знемогае,
„До васъ не встане, головы не звезде.
Казавъ: якъ буду назадъ гуляты,

То не буду вашои мылосты и по виць забуваты.“

Тоди туркы-янычары одь кгалеры одверталы,
До города Цареграда убигалы,
Изъ дванадцяты штукъ гарматъ грималы,
Ясу воздавалы.

Тоди козаки соби добре дбалы:
Симъ штукъ гарматъ соби арештовалы,
Ясу воздавалы,

На лыманъ рику испадалы,
Къ Днипру-Славути низенько укланялы:
„Хвалымъ тя, Господы, и благодарымъ!
„Булы пъятдесять чотыри годы у неволи,
„А тепера чы не дасть намъ Богъ хоть часъ по
воли!“

ХІІІ.

А у Тендрови острови Семень Скалозубъ
Зъ вѣйськомъ на застави стоявъ
Та на тую кгалеру поглядавъ,
До козакивъ словамы промовлявъ:
„Козаки, панове молодци! що сая кгалера: чы
блудить,
„Чы свитомъ нудить,
„Чы много люду козацького мае,
„Чы за велькою здобыччу ганяе?
„То вы добре дбайте:
„По дви штукъ гарматъ набывайте,
„Тую кгалеру зъ гризной гарматы привिताйте,
„Гостынця ій дайте.“
Тогди козаки тее зачувалы,

До його промовлялы:
„Семене Скалозубе, гетьмане запорозькый,
„Батьку козацькый!
„Десь ты самъ боишся
„И насъ козакивъ страмышся:
„Есть сая кгалера не блудить,
„Ни свитомъ нудить,
„Ни много люду козацького мае,
„Ни за велькою здобыччу ганяе:
„Се, може, е давній, бидный невольныкъ изъ
неволи утикае...”

То Семень Скалозубъ тее зачувае,
До козакивъ промовляе:
„А вы такы виры не доймайте,
„Хочъ по дви гарматы набывайте,
„Тую кгалеру изъ гризной гарматы привитайте,
„Гостынця ій дайте.
„Якъ туркы-янычары, то упень рубайте,
„А якъ бидный невольныкъ, то помочы
дайте!”

ХІІ.

Тоди козаки, якъ диты, не гараздъ починали:
По дви штуки гармать набывалы,
Тую кгалеру изъ гризной гарматы привиталы,
Тры дошки у судни выбывалы,
Воды Днипровой напускалы...

Тоди Кишка Самійло, гетьманъ запорозькый,

Чогось догадавъ,
Самъ на чердакъ выступавъ;
Червоньи, хрещатыи, давній корогвы изъ кы-
шени выймавъ,

Роспустывъ,
До воды похыльывъ,
Самъ нызенько уклонывъ:
„Козаки, панове молодци! сая кгалера не блудить,
„Ни свитомъ нудить,
„Ни много люду козацького мае,
„Ни за велькою здобыччу ганяе:
„Се есть давній бидный невольныкъ,
„Кишка Самійло, изъ неволи утикае.
„Булы пъятдесять чотыри годы у неволи,
„Теперь чы не дасть Богъ хочъ часъ по воли!“

Тоди козаки у каюкы скакалы,
Тую кгалеру за мальовани облавкы бралы,
Та на прыстань стягаль,
Одъ дуба до дуба
На Семена Скалозуба
Пайовалы,
Тую кгалеру та на прыстань стягаль.

XV.

Тогди: златосынїи кындякы—на козаки,
Златоглавы на отаманы,
Турецькую билую габу—на козаки на биякы;
А кгалеру на пожаръ спускалы.
А срибло-злото на тры часты пайовалы:

Первую часть брали, на церкви накладали:
На святого Межыгорського Спаса,
На Трехтемыровський монастирь,
На святую Сичовую Покрову давали,
Котори давнимъ козацькимъ скарбомъ будовали,
Щобъ за йихъ вставаючы й лягаючы,
Мылосердного Бога благали;
А другуу часть помижъ собою пайовали;
А третюу часть брали,
Очертамы сидали,
Пылы та гулялы,
Изъ семьшъядныхъ пыщалей грималы;
Кишку Самійла поздоровлялы:
„Здоровъ, — кажуть, — здоровъ, Кишко Самійлу,
„Гетьмане запорозький!
„Не загынувъ есы у неволи,
„Не загынешъ изъ намы, козакамы, по воли!“

Правда, панове, полягла
Кишки Самійла голова
Въ Кыево-Каневи монастири...
Слава не вмре, не поляже!
Буде слава славна
Помижъ козакамы,
Помижъ друзямы,
Помижъ лыцарямы,
Помижъ добрымы молодцямы.
Утверды, Боже, народу хрыстыянського,
Війська запорозького
Зъ сыєю черню Днипровою,

„Черному морю и мени, отаману кошовому!

„Въ Черное море впадите,

„Війська козацького не губите!“

То казаки тее зачували,

Уси замовчали,

Бо въ грихахъ себе не знавали.

Тилки обизвався пысарь військóвый, козакъ лей-
стрóвый,

Пыратынськый поповычь Олексій:

„Добре вы, братця, вчыните, мене самого визьмите,

„Мени черноюкытайкою очизавьяжите,

„До шыйи билый каминь прычепите,

„Да й у Черное море зипхните!

„Нехай буду одынь погыбаты,

„Козацького війська не збавляты!“

То казаки тее зачували, до Олексія Поповыча
промовлялы:

„Ты жъ бо по трійчи на день пысьмо святее у
руки берешъ та й чытаешъ,

„Насъ, простыхъ козакивъ, на все добре настав-
ляешъ, —

„Чомъ ты грихивъ билше на соби одъ усихъ
насъ маешъ?“

— „Ой вы казаки, панове молодци!

„Хочъ я й по трійчи на день пысьмо святее у
руки беру та й чытаю,

„Васъ, козакивъ прóстыхъ, на все добре наставляю,

„А я все самъ не гараздъ починою,

„То ще билше грихивъ одъ усихъ васъ на соби
маю.

- „Якъ я изъ гóрода Пырятына, панове, выйжджавъ,
„Опрощення съ панъ-отцемъ и пани-маткою не
бравъ,
„И на своего старшого брата великый гнивъ
покладавъ,
„И блызкыхъ сусидивъ хлиба й соли безне-
вынно збавлявъ,
„Диты малыи топтавъ, вдовы старьи стремнямъ
у груди штовхавъ,
„Та ще конемъ добрымъ по улыци выгрававъ,
„Противъ церквы, дому Божого, пройжджавъ,
„Шапкы зъ себе незнимавъ, хрестана себене клавъ.
„То ще я йихавъ селама и городама,
„И всякымы сторонама;
„То тамъ жены старьи стоялы;
„Може думалы та й гадалы противъ мене що
добре сказаты,
„Да я й тамъ за гордостю, за пышностю про-
тивнымъ словомъ одказавъ.
„Не пытався: яка въ васъ церква святая?
„Та пытався: де въ васъ корчма новая
„И шынкарка молодая?
„Чужи козаки по церквахъ молебни наймалы,
„А мы въ шынку пьемъ-гуляемъ,
„Музыкы наймаемъ,
„Танци справляемъ.
„Отъ за те я, панове, великый грихъ маю,
„Теперь погыбаю!
„Не есть се, панове, на Чорному морю хвыля
вставае,

„А есть се—мене отцевська и матерынська мо-
лтва карае!

„Колы бѣ мене сѣя хуртовына злая въ мори
не втопыла,

„Одъ смерты молтва бороньла,

„Тознавѣ бы я отця й матирѣ шановаты-поважаты,

„То знавѣ бы я старшого брата за ридного отця
почытаты,

„И сестру ридненьку за неньку у себе маты!“

II.

Тогди козаки добре дбалы,

Узялы йому назадъ руки изъязалы,

Чорнымъ оксамытомъ очи затмылы...

То ще такого козака у море пускаты пощадылы:

На ливій руци мызынного пальця втыналы,

Його кровъ у Чорнее море металы.

То скоро стало Чорнее море кровъ хрыстыянську
зажываты,

То стала злая хуртовына по Чорному морю
стыхаты,

Судна козацьки до-горы якъ рукамы пидіймала,
До Тентрова острова прыбывала.

То вси тогди козаки дывомъ дывовалы:

„Що въ якому то страху мы бувалы,

„На Чорному морю, на быстрой хвыли потопалы,

„А ни одного козака зъ межы вѣйска не вте-
рялы!

От-же тогди Олексій Поповычъ изъ судна вы-
хождае,
Бере святее пысьмо вѣ руки, чытае,
Усихъ простыхъ козакивъ на все добре научае,
до козакивъ промовляе:
„Оттымъ бы то, панове, треба людей поважаты,
„Панъ-отця й пани-матку добре шановаты:
„Бо котрый чоловикъ тее уробляе,
„Повикъ той щастя соби мае.
„Смертельный мечъ того мынае,
„Отцева й матчына молитва зо дна моря выймае,
„Одъ грихивъ смертельныхъ душу одкупляе,
„На поли й на мори на помичъ помагае!“

ПРО КОЗАКА ГОЛОТУ.

I.

Ой на поли та й на Кылымськимъ,
На шляху бытому гордынськимъ,
Ой тамъ гулявъ, гулявъ козакъ Голота.
Не боиться ни огня, ни меча, ни третьего—болота.
Правда, на козакови шаты дороги—
Тры семярязи лыхыи:
Одна недобра, друга негожа,
А третя й на хливъ незгожа.
А ще, правда, на козакови постолы вѣязови,
А унучи кытайчани—
Щыри жиноцьки рядняни;
Волокы шовкови—

Удвое, жиноцьки щыри валови.
Правда, на козакови шапка бырка,
Зверху дирка,
Травною пошыта,
А витромъ пидбыта,
Куды віе, туды й провивае,
Козака молодого прохоложае.

II

То гуляе козакъ Голота, погуляе;
Ни города, ни села не займае,—
На городъ Кылью поглядае.
У городи Кыльи Татарынъ сыдыть бородатый;
По гирныцяхъ похожае,
До Татаркы словами промовляє:
„Татарко, Татарко!
„Ой чы ты думаешъ те, що я думаю?
„Ой чы ты бачышъ те, що я бачу?“

Каже: „Татарыне, ой, сидый, бородатый!
„Я тилкы бачу, що ты передо мною по гир-
ныцяхъ похожаешъ,
„А не знаю, що ты думаешъ та гадаешъ.“

Каже: „Татарко!
„Я те бачу: въ чыстимъ поли не орель литае,
„То козакъ Голота добрымъ конемъ гуляе.
„Я його хочу жывцемъ у руки взяты
„Да въ городъ Кылью запродаць,
„Ище жъ нымъ передъ великымы панамы башамы
ВЫХВАЛЯТЫ,

„За його много червоныхъ не личачы браты
„Дорогьи сукна не мирячы пощытаты.“

III.

То тее промовлявъ,—дороге плаття надивае,
Чоботы обувае,

Шлыкъ бархотный на свою голову надивае,
На коня сидае,

Безпечно за козакомъ Голотою ганяе.

А козаченько оглядається,

И карбачемъ одбивається.

То вже жъ той козакъ Голота добре козацькый
звычай знае,—

Ой на Татарына скрива, якъ вовкъ, поглядае.

Каже: „Татарыне, Татарыне!

„На вищо жъ ты важышь:

„Чы на свою ясненькую зброю,

„Чы на свого коня вороного,

„Чы на себе, Татарюгу старого?“

— „Я,—каже,—важу на мою ясненькую зброю,

„А ще лучче—на мого коня вороного,

„А ще лучче—на себе Татарюгу старого.

„Я тебе хочу живцемъ у руки взяти,

„Въ городъ Кылыю запродагы,

„Передъ велькымы панамы башамы вихваляты

„И много червоныхъ не личачы набраты,

„Дорогьи сукна не мирячы пощытаты“.

То козакъ Голота добре звычай козацькый знае,

Ой на Татарына скрива, якъ вовкѣ, поглядае,
„Ой, — каже, — Татарыне, ой сидый же ты, бо-
родатый!

„Лыбонь же ты на розумъ небагатый:
„Ще ты козака у руки не взявъ,
„А вже козакови виры донявъ,
„А вже за його й гроши пощытавъ.
„А ще жъ ты мижъ козакамы не бувавъ,
„Козацькой кашы не йидавъ
„И козацькихъ звычайивъ не знаешъ.“

А Татарынъ його озырае,
Зъ його насмихае:

„Ой ты, — каже, — козаче, козаче нетяго!
„Звидкиля ты розуму набрався,
„Що вельмы одижно убрався?
„Ой на що жъ ты уповаешъ?
„Чы на свою шапку бырку,
„Що травою шыта,
„Витромъ пидбыта, —
„А зверху дирка?
„Чы на свои постолы боброви,
„Що шовкови волокы —
„Въ односталь зъ валу?
„Чы на свою сермягу семылатную?“

— „Ой Татарюго старый, бородатый,
„Що твою одежа зможе?
„Ще побачымъ, кому Богъ поможе.“

IV.

Ой на поли та й на Кылымськимъ,

На шляху бытимъ ордынскимъ,
То не ясный сокиль литае, —
То козакъ Голота, сердешный, добрымъ конемъ
гуляе.

Ой ставъ Татарынъ икъ йому прыйизжаты,
Ставъ тугого лука напынаты,
Сердешного козака Голоту стреляты-рубаты.
То козакъ Голота нагайкою стрилы одбывае,
Ой на Татарына скрива, якъ вовкъ, поглядае.
„Ой ты Татарынъ старый, бородатый,
„Да на розумъ небагатый!
„Ты мижъ козакамы не бувавъ,
„И козацькой кашы не йидавъ,
„И козацькихъ жартивъ не знаешъ...
„Десь у мене бувъ съ кулямы гаманъ, —
„Я жъ тоби гостынця дамъ.“

Якъ ставъ йому гостынци посылаты,
Ставъ Татарынъ ись коня похыляты.
„Ой ты Татарынъ старый, бородатый,
„Да на розумъ небагатый!
„Ище ты мене не пймавъ,
„Да уже въ городъ Кылью запродавъ,
„И срибныи за мене гроши побр́авъ!
„От-теперъ твого одного коня вороного
„Поведу до шынкаркы пропываты,
„А другимъ твоимъ конемъ воронымъ
„По городу Кылыи гуляты, —
„Ой гуляты, гуляты, гуляты,

„Да единого Бога спомынаты!“

V.

Тоди козакъ добре дбавъ,
Чоботы татарськи истягавъ,
На свои козацьки ноги обувавъ;
Жупанъ татарськый истягавъ,
На свои козацьки плечи надивавъ;
Бархотный шлыкъ издймавъ,
На свою козацьку голову надивавъ;
На коня татарського сїдае,
Поле кылымське выхваляе.
„Ой поле, каже, поле кылымське!
„Скилки я на тоби гулявъ,
„Да такой здобычы не здобувавъ!
Бодай же ты лито й зиму зеленило,
„Якъ ты мене пры нещасливій години сподобыло!
— Дай же, Боже, щобъ козаки пылы та гулялы,
Хороши мысли малы,
Одъ мене билшу здобычъ бралы,
Непрятеля пидъ ноги топталы!—
Слава не вмре, не поляже
Одъ ныни до вика.
Даруй, Боже, на многи лита.

ПРО ХВЕДОРА БЕЗРИДНОГО.

По надъ сагою Днипровою
Молодый козакъ обидъ обидае, не думае, не
гадае,

Що на його молодого, ще й на чуру малого
бида настыгае.

То не вербы луговии зашумили...

Якъ безбожнии ушкалы налетили,
Хведора безридного, отамана куринного,
Пострелялы, порубалы, — тилкы чуры не піймалы.

То малый чура до козака прыбувае,
Раны йому глыбокы промывае. То козакъ йому
промовляе:

„Ой чуро Яремо! дарую тобі по смерты своеи

„Коня вороного,

„А другого билогрывого

„ И тягеля червонии,

„Одь пиль до комира злотомъ гаптовани,

„И шаблю булатную, пыщаль семыпъядную.

„Ой та добре жъ ты дбай,

„Та на коня сйдаи,

„Та предо мною повертай:

„Та нехай я буду знаты,

„Чы удобенъ ты будешъ помижъ козакамы
пробуваты?“

То чура Ярема добре дбае,

Та на коня сйдае,

Та передъ нымъ повертае.

Ой то Хведиръ бездольный-безридный

Словамы промовляе,

Гирко сльозамы рыдае:

„Ой дякую Тоби, Господы мылосердный,

„А що не ледай-кому буде моя худоба доставаты:

„То винъ за мене буде Господа Мылосердного
прохаты.

„Ой чуро Яremo,

„Та добре жъ ты дбай,

„Та на коня сидай,

„Ой та йидь ты по надь лугомъ та База-
влугомъ,

„Та по надь Днипромъ-Славутою;

„То якъ ушкала гудуть, такъ ты схоронися,

„А якъ лебеди ячать, то ты озовыся,

„А якъ козаки йидуть Днипромъ-Славутою,

„Такъ ты объявыся,

„Та шлычокъ на копію искладай

„А самъ нызенько укланяй,

„Напередь Господу Богу

„И батькови кошовому,

„Отаману вѣйськовому,

„И всьому товариству кривному исердешному“.

Гей то винъ козакивъ стричае,

Шлычокъ на копію искладае,

А самъ нызько укланяе,

Напередь Господу Богу

И батькови кошовому,

Отаману вѣйськовому,

И всьому товариству кривному й сердешному.

А батько кошовый, отаманъ вѣйськовый,

Промовля словами;

„Чуро Яremo! се ты не своими киньмы гуляешъ

„И тягеля червоны, одъ пилъ до комира зло-
томъ гаптовани, не свои маешъ,
„Не свою шаблю булатную и пыщаль семыпъяд-
ную маешъ;

„А десь ты свого пана вбывъ, або стребывъ,
„Або молодого души ты избавывъ!“

— „Ой батьку Кошовый, отаману військовый!

„Я свого пана ни вбывъ, ни стребывъ,

„Ни молодого души не избавывъ;

„А мій панъ лежить у лузи Базавлузи

„Постреляный и порубаный,

„На раны смертельныи незмагае.

„Та прошу я мылосты вашои всеныжающе, —

„У лугъ Базавлугъ прыбуваты,

„Тило козацькее-молодецькее

„У чыстимъ поли знаходыты й поховаты,

„Звиру-птыци на поталу не податы.“

Ой то батько кошовый, отаманъ військовый

Добре дбавъ, —

Изъ семысотъ козакивъ

Та пъятдесять выбиравъ,

Та въ лугъ Базавлугъ у суботу выславъ.

То воны въ лугъ Базавлугъ прыбували

У суботу проты недили,

У четвертій полуношній години,

Та тило молодецьке знахожалы,

На червону кытайку клалы,

Тило козацькее-молодецькее обмывалы,

А шаблями суходиль копалы,

А шапкамы да прыполамы персть выносылы,
Глыбокую яму выкопалы,
Хведора безридного поховалы,
Высокую могылу высыпалы,
И прапирокъ у головахъ устромылы,
И премудрому лыцареву славу учынылы.
А тымъ воны його помыналы,
Що у себе малы:
Цвиленькымы, сухенькымы вйськовымы сухар-
цями.

Услышы, Господы,
У просьбахъ и въ молитвахъ
Люду козацькому, народу хрыстыянському
И всимъ головамъ слухащымъ
На много лита
До конца вика!

Запысана одъ кобзаря Остапа Вересая.

ПРО СМЕРТЬ ТРЬОХЪ БРАТИВЪ КОЛО САМАРКЫ.

Ой уси поля Самарськи почорнили,
Яснымы пожарами погорили;
Тилкы не згорило у ричкы Самаркы,
У крыньци Салтанкы,
Тры терны дрибненькыхъ,
Тры байракы зелененькыхъ;
То тымъ воны не згорилы,
Що тамъ тры браты ридненькыхъ,

Якъ голубонькы сывенькихъ,
Постреляни да порубани спочывалы.

То тымъ воны спочывалы,
Що на раны постреляныи да порубаныи дуже
знемогалы.
Озоветься старшый братъ до середульшого
словамы,

Обиллеться гиркымы слъозамаы:
„Прошу я тебе, братику мій ридненькый,
Якъ голубонько сывенькый!

Добре ты учыны:

Хочъ изъ ричкы Самаркы,
Або съ крыныщи Салтанкы
Холодной воды знайды,

Раны мои постреляни да порубани окропы,
охолоды!“

То середульшый братъ тее зачувае,

До його словамы промовляе:

„Братику мій ридненькый,

„Якъ голубонько сывенькый!

„Чы ты мени, брате, виры не доймаешъ,

„Чы ты мене на смихъ пидіймаешъ?

„Чы не одна насъ шабля порубала?

„Чы не одна насъ куля постреляла?

„Що маю я на соби девъять ранъ—рубани шыроки,

„А чотыри стреляни глыбоки!

„Такъ мы добре, брате, учынимо,

„Свого найменчого брата попросимо:

„Нехай найменчый братъ добре дбае,

„Хочь навколишкы вставае,
„Військову суремку въ головахъ достягае,
„У військову суремку добре грае, програвае;
„Нехай бы насъ стали странни козаки зачуваты,
„До насъ дохождаты, смерты нашої доглядаты,
„Тило наше козацьке молодецьке въ чыстимъ
поли поховаты!“

То найменчый братъ тее зачувае,
До старшыхъ бративъ словами промовляє:

„Братикы мои ридненьки,
„Якъ голубонькы сывеньки!
„Не есть се насъ шабля турецькая порубала,
„Не есть се насъ куля янычарська постреляла:
„А есть се отцева й пани-матчына молитва
покарала!
„Якъ мы у-въ охотне військо одъ отця, одъ
матери, одъ роду одйизжалы,
„Мы зъ отцемъ, зъ матиррю и зъ родомъ опро-
щення не бралы!
„А якъ протывъ церкви, дому Божого, пройиз-
жалы,
„Мы шапокъ зъ головы не знималы,
„Мылосердного Бога на помичь не прохалы!
„Хочь я, братця, буду въ тонкіи суремкы жа-
либненько граты,
„То будуть туркы-янычары, безбожни бусурма-
ны, чыстымъ полемъ гуляты,
„Будуть наши игры козацькіи зачуваты,
„Будуть до насъ прыйизжаты,

„Будуть намъ живцемъ каторгу завдаваты.
„Лучче намъ, братця, отуть у чыстимъ поли
помираты,
„Отця й пани-маткы и родыны сердешной въ
вичы не выдаты...“
Стала чорная хмара на неби наступаты,
Сталы козаки въ чыстимъ поли помираты,
Сталы свои головы козацькiи въ ричци Самарци
покладаты...

ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ И БАРАБАШЪ.

Якъ изъ день-годыны
Шчыналыся вельки вiйны на Украини,
Оттогди жъ то не могли обибратысь,
За виру хрыстыянську одностайно статы;
Тилкы обибрався Барабашъ та Хмельныцькый,
Да Клыша Билоцеркивськый.
Оттоди воны одъ своихъ рукъ лысты пысалы,
До короля Владыслава посылалы.
Тогди жъ то король Владыславъ лысты чытае,
Назадъ одсылае;
У городи Черкаському Барабаша гетьманомъ
настановляе:
„Будь ты, Барабашу, въ городи Черкаському
гетьманомъ,
„А ты, Клышо, у городи Билiй Церкви пол-
ковнычимъ,

„А ты, Хмельницький, у городи Чыгрыни хоть
пысаремъ вѣйськовымъ.“

Оттогди жъ то небагато Барабашъ, гетьманъ
молодой, гетьмановавъ,
Тилкы пивтора года.

Тогди жъ то Хмельницький добре дбавъ,
Кумомъ до себе гетьмана молодого Барабаша за-
зывавъ,

А ще дорогымы напыткамы його витавъ

И стыха словами промовлявъ:

„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане
молодой,

„Чы не могли бъ мы съ тобою удвохъ коро-
левськихъ лыстивъ прочытаты,

„Козакамъ козацьки порядкы подаваты,

„За виру хрыстьянську одностайно статы?“

Оттогди жъ то Барабашъ, гетьманъ молодой,
Стыха словами, промовляе:

„Эй пане куме, пане Хмельницький, пане пы-
сарю вѣйськовый!

„Нащо намъ съ тобою кролевськи лысты удвохъ
чытаты,

„Нащо намъ козакамъ козацьки порядкы даваты?

„Чы не лучче намъ изъ ляхамы,

„Мостывымы панамы,

„Зъ упокоемъ хлибъ-силъ по викъ вичный ужы-
ваты?“

Оттогди то Хмельницький на кума свого Ба-
рабаша

Вельке пересердя мае,
Ще кращымы напыткамы витае.
Оттогди то Барабашъ, гетьманъ молодой,
Якъ у кума свого Хмельныцького дорогого на-
пытку напывсь,
Дакъ у його и спать повалывсь.
Оттогди то Хмельныцькый добре дбавъ,
Изъ правои руки, изъ мызынного пальця щы-
розлотый перстинь изнявъ,
Изъ ливои кышени ключы выймавъ,
Съ пидъ пояса шовковый платокъ высмыкавъ,
На слугу свого вирного добре клькавъ поклькавъ:
„Эй слуго ты мий повиреный Хмельныцького,
„Велю я тоби добре дбаты,
„На доброго коня сидаты,
„До города Черкаського, до пани Барабашевои
прибуваты,
„Кролевськи лысты до рукъ добре приймагы.“
Оттоди то слуга повиреный Хмельныцького
добре дбавъ,
На доброго коня сидавъ,
До города Черкаського скорымъ часомъ, пыль-
ною годыною прибувавъ,
До пани Барабашевои у двиръ уижджавъ,
У сины ввійшовъ, шлычокъ изъ себе скидавъ,
У свитлицю ввійшовъ, — низькый поклонъ по-
славъ,
Тыи значкы на скамни покладавъ,
А ще стыха словамы промовлявъ:

„Эй пани, каже, ты, пани Барабашева, гетьманова молодая!

„Уже жъ теперъ твѣй пань, гетьманъ молодой,

„На славній Украины съ Хмельныцькымъ велики бенкеты счынають,--

„Велилы воны тоби сіи значкы до рукъ прыйматы,

„А мени лысты королевськи оддаты:

„Чы не могли бъ воны изъ кумомъ своимъ Хмельныцькымъ

Удвохъ прочитаты,

И козакамъ козацьки порядкы даваты?“

Оттогда жъ то пани Барабашева, гетьманова,

Ударыться объ полы рукамы,

Обилеться дрибнымы слъозамы,

Промовыть стыха словами:

„Эй не зъ горя-биды моему пану Барабашу

„Схотилося на славній Украины съ кумомъ своимъ Хмельныцькымъ

Велики бенкеты счынаты!

„На що бъ имъ королевськи лысты удвохъ чытаты?

„Не лучше бъ имъ изъ ляхамы,

„Мостывымы панамы,

„Зъ упокоемъ хлибъ-силъ вичныи часы ужываты?

„А теперъ нехай не зарикається Барабашъ, гетьманъ молодой,

„На славній Украины огнивъ та тернивъ изгашаты,

„Тиломъ своимъ панськымъ комари годуваты

„Одъ кума свого Хмельницького.“

Оттогди жъ то пани молодая Барабашева

Стыха словами промовляе:

„Эй слуго повиреный Хмельницького,

„Не могу я тоби лысты королевськи до рукъ
податы,

„А велю я тоби до ворить одхождаты,

„Королевськи лысты у шкатули изъ земли вый-
маты.“

Оттогди то слуга повиреный Хмельницького,

Якъ си слова зачувавъ,

Такъ скорымъ часомъ, пыльною годиною до во-
рить одхождавъ,

Шкатулу зъ земли съ королевськымы лыста-
мы выймавъ,

Самъ на доброго коня сидавъ,

Скорымъ часомъ, пыльною годиною до города
Чыгырна прыбувавъ,

Своему пану Хмельницькому королевськи лысты
до рукъ добре отдавъ,

Оттогди то Барабашъ, гетьманъ молодой, одъ
сна уставае,

Кролевськи лысты у кума свого Хмельницького
зоглядае;

Тогди й напытку дорогого не попывае,

А тилкы зъ двора тихо зийиждае,

Да на старосту свого Крачевського клыче, до-
бре поклыкае:

„Эй старосто, каже, ты мій старосто Крачевський!

„Колыбъ ты добре дбавъ,

„Кума мого Хмельницького живцемъ узявъ,

„Ляхамъ, мостывымъ панамъ, до рукъ по-
давъ;

„Щобъ насъ могли ляхы, мостывыи паны, за
билозоривъ почитаты.“

Оттогда то Хмельницький якъ сіи слова зачувавъ,
Такъ на кума свого Барабаша вельке пере-
сердя мавъ,

Самъ на доброго коня сидавъ,

Слугу свого повиреного зъ собою забиравъ.

Оттогда то прыпало йому съ правои руки

Чотыри полковныкы:

Первый полковныкъ Максимъ Олшанський,

А другой полковныкъ Мартынъ Полтавський,

Третій полковныкъ Иванъ Богунъ,

А четвертый Матвій Бороховычъ.

Оттогда то вони на славу Украину прыбували,

Кролевськи лысты читалы,

Козакамъ козацьки порядкы давалы.

Тогда то у святыи день у божественный у ви-
второкъ

Хмельницький козакивъ до сходу сонця про-
буждае,

И стыха словамы промовляе:

„Эй козаки, диты, друзи-молодци!

„Прошу я васъ, добре дбайте,

„Одъ сна уставайте,

„Руський отченашъ чытайте,
„На лядськи табуры найижджайте,
„Лядськи табуры на тры часты розбывайте,
„Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубайте,
„Кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пис-
комъ мишайте,
„Виры своеи хрыстыянськон у поругу вични часы
не подайте!“
Оттогди жъ то козаки, друзи-молодци, добре
дбалаы,

Одъ сна уставалаы,
Руський отченашъ чыталаы,
На лядськыи табуры найизджалаы,
Лядськыи табуры на тры часты розбывалаы,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубалаы,
Кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пис-
комъ мишалаы,
Виры своеи хрыстыянськон у поругу вични ча-
сы не подалаы.
Оттогди то Барабашъ, гетьманъ молодый, конемъ
пойижджае,

Плаче-рыдае,
И стыха словамы промовляе:
„Эй пане куме, пане Хмельныцький, пане пыса-
рю вйськовый!
На що бъ тоби кролевски лысты у пани Бара-
башевои вызволяты?
„На що бъ тоби козакамъ козацьки порядкы
даваты?

„Не лучше бѣ тоби зѣ нами, изѣ ляхамы,

„Зѣ мостывымы панамы,

„Хлибѣ-силѣ зѣ упокоемѣ уживаты?“

Оттогда то Хмельныцькый

Стыха словами промовляе:

„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане
молодой!

„Якъ будешѣ ты мене сымы словами докоряты,

„Не зарикаюсь я тоби самому съ плечь голов-
ку, якъ галку, зняты,

„Жону твою и дитей у полонѣ живцемѣ за-
браты,

„Турьскому салтану у подарунку одислаты.“

Оттогда жѣ то Хмельныцькый якъ си слова
зговоривѣ,

Такѣ гараздѣ добре й учынивѣ:

Куму своему Барабашеви, гетьману молодому,

Сѣ плечь головку, якъ галку, знявѣ,

Жону його и дитей живцемѣ забравѣ,

Турьскому салтану у подарунку одославѣ;

Сѣ того жѣ то часу Хмельныцькый гетьманова-
ты ставѣ.

Оттогда жѣ то козаки, диты, друзи-молодци,

Стыха словами промовлялы:

„Эй гетьмане Хмельныцькый,

„Батю нашѣ, Зиновѣ Богдане Чыгырынськый!

„Дай Боже, щобѣ мы за твоею головою пылы
та гулялы,

„Виры своей хрыстьянської у поругу вични
часы не подавалы.“

Господы, утверды люду козацького;
Всимъ слушащымъ,
Всимъ православнымъ хрыстыянамъ
Пошлы, Боже, много литъ!

Одъ кобзаривъ Андрія Шута та Андрія Бешка въ Черни-
гивщени.

ПРО ЖЫДИВЪ-РАНДАРИВЪ.

Якъ у земли королевській да добра не було:

Якъ жыды-рандари

Вси шляхы козацьки зарандовалы,

Що на одній мыли

Да по тры шынкы становылы.

Становылы шынкы по долынахъ,

Зводылы щоглы по высокихъ могылахъ.

Ище жъ то жыды-рандари

У тому не пересталы:

На славній Украины вси козацьки торгы за-
орандовалы

Да бралы мыто-промыто:

Одъ возового

По пивъ-золотого,

Одъ пишого пишеньци по тры денежны мыта
бралы,

Одъ неборака старця

Бралы куры да яйця,

Да ище пытае:

Цы нема, котыкъ, сце цого?“

Ище жъ то жыды-рандари

У тому не пересталы:

На славній Украины вси козацьки церкви заоран-
рандовалы.

Которому бъ то козаку альбо мужыку давъ
Богъ дытыну появыты,

То не йды до попа благословыться,

Да пйды до жыда-рандара да положъ шостакъ,
щобъ позволивъ церкву одчыныты,

Тую дытыну охрестыты.

Ище жъ то которому бъ то козаку альбо му-
жыку давъ Богъ дытыну одружыты,

То не йды до попа благословыться,

Да пйды до жыда-рандара да положъ бытый
таляръ, щобъ позволивъ церкву одчыныты,

Тую дытыну одружыты.

Ище жъ то жыды-рандари

У тому не пересталы:

На славній Украины вси козацьки рики заоран-
довалы:

Перва на Самари,

Друга на Саксани,

Трейтя на Гнылій,

Четверта на Пробойній,

Пъята на ричци Кудесци.

Котрый бы то козакъ альбо мужыкъ исхотивъ
рыбы ловыты,

Жинку свою зъ дитьмы покормыты,

То не йды до попа благословыться,
Да пйды до жыда-рандара да поступи йом
часть оддаты

Щобъ позволявъ на ричци рыбы вловыты,

Жинку свою зъ дитьмы покормыты.

Тоди жъ то одынъ козакъ мимо кабака йде,

За плечыма мушкетъ несе,

Хоче на ричци утя вбыты,

Жинку свою зъ дитьмы покормыты.

То жыдъ-рандаръ у кватырку поглядае,

На жыдивку свою стыха словами промовляе:

„Эй, жыдивочко жъ моя Рася!

„Що сей козакъ думае, що винъ у кабака и
вступыты

„За денежку горилкы не купыты,

„Мене, жыда-рандара, не перепросыты,

„Щобъ позволявъ йому на ричци утя вбыты,

„Жинку свою зъ дитьмы покормыты?“

Тоди то жыдъ-рандаръ стыха пидхождае,

Козака за патлы хватае.

То козакъ на жыда-рандара скоса, якъ вед
мидь, поглядае

Ище жыда-рандара мостывымъ паномъ узывае

„Эй жыду, каже, жыду-рандаре,

„Мостывый пане!

„Позволь мени на ричци утя вбыты,

„Жинку свою зъ дитьмы покормыты.“

Тоди жыдъ-рандаръ у кабака ухожае,

На жыдивку свою стыха словами промовляе:

„Эй жывивочко жъ моя Рася!
Буть мени теперь у Билій Церкви наставнымъ
равомъ:
„Назвавъ мене козакъ мостывымъ паномъ.“
Одъ Андрия Шута зъ Чернигивщины.

КОРСУНСЬКА БАТАЛІЯ.

Ой обизветься панъ Хмельницький,
Отаманъ-батько Чыгырынський:
„Гей друзи, молодци,
„Браття козаки, запорозци!
„Добре дбайте, барзо гадайте,
„Зъ ляхамы пиво варыты зачынайте:
„Лядський солодъ, козацька вода,
„Лядськи дрова, козацьки труда.“
Ой съ того пыва
Зробылы козаки зъ ляхамы превелькее дыво.
Пидъ городомъ Корсунемъ воны станомъ стали,
Пидъ Стеблевомъ воны солодъ замочылы;
Ще й пыва не зварылы,
А вже козаки Хмельницького зъ ляхамы барзо
посварылы:
За тую бражку
Счынылы козаки зъ ляхамы велику дражку;
За той молотъ
Зробылы ляхи съ козакамы превелький колотъ;
А за той незнатъ-якый квасъ

Не одного ляха козакъ за чуба стрясъ.

Ляхы чогось догадалысь,
Видъ козакивъ чогось утикалы,
А козаки на ляхивъ нарикалы:

„Ой вы, ляхове,

„Песьки сынове!

„Чомъ вы не дожыдаете,

„Нашого пыва не допываете?“

Тогди козаки ляхивъ доганялы,

Пана Потоцького піймалы,

Якъ барана зъязалы

Та передъ Хмельныцького гетьмана прымчалы:

„Гей пане Потоцький!

„Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцький?

„Не вмивъ ты есы въ Камъянськимъ Подильци
пробуваты,

„Печеного поросяты, курыци съ перцемъ та
зъ шапраномъ ужываты,

„А теперь не зуміешъ ты зъ нами, козакамы,
воюваты,

„И жытньої соломахи съ туслукомъ уплитаты.

„Хыба волю тебе до рукъ Крымському хану даты,

„Щобъ навчылы тебе Крымськи нагаи сырой
кобылыны жоваты!“

Тогди ляхы чогось догадалысь,

На жыдивъ нарикалы:

„Гей вы, жыдове,

„Поганськи сынове!

„На що то вы велькый бунтъ, тревогы зрывалы,

„На мылю по тры корчмы становылы,
„Велькыи мыта бралы:
„Видъ возового
„По пивъ-золотого,
„Видъ пишого—по два гроши,
„А ще не мыналы й сердешного старця—
„Видбиралы пшоно та яйця!
„А теперь вы тii скарбы збирайте,
„Та Хмельныцького еднайте;
„А то, якъ не будете Хмельныцького еднаты,
„То не зарикайтесь за ричку Выслу до Полон-
ного прудко тикаты.“

Жыдове чогось догадалысь,
На ричку Случу тикалы.
Котори тикалы до рички Случи,
То погубылы чоботы й онучи;
А котори до Прута,
То була видъ козакивъ Хмельныцького дори-
женька барзо крута.

На ричци Случи
Обломылы мистъ идучы,
Затопылы уси клейноды
И вси лядськи бубны.
Котори биглы до рички Роси,
То зосталыся голи й боси.
Обизветься первый жыдъ Гычыкъ,
Та й хапаецься за бычыкъ;
Обизветься другый жыдъ, Шльома:
„Ой я жъ пакъ не буду на сабась дома!“

Третій жыдъ озовется, Оврамъ:

„У мене невеликый крамъ:

„Шпылькы, голкы,

„Креміння, люльки,

„Такъ я свій крамъ

„У коробочку склавъ

„Та козакамъ п'ятамы накывавъ.“

Обизвется четвертый жыдъ Давыдко:

„Ой брате Лейбо! уже жъ пакъ изъ за горы
козацьки корогвы выдко!“

Обизвется п'ятий жыдъ Юдко:

„Нумо до Полонного втикаты прудко!“

Тогди жыдъ Лейба бижыть,

Ажъ жывить дрижыть;

Якъ на школу погляне,

Його сердце жыдивське зив'яне:

„Эй школо жъ моя, школо мурована!..

„Теперь тебе ни въ пазуху взяты,

„Ни въ кышеню сховаты,

„Але жъ доведеться Хмельницького козакамъ
на балакы покыдаты!“

Отсе, панове-молодци, надъ Полоннымъ не чор-
на хмара вставала;

Не одна пани-ляшка удовою zostалась.

Озовется одна пани ляшка:

„Нема мого п'ана Яна,

„Десь його з'яззали козаки, якъ бы барана

„Та повелы до свого гетьмана.“

Озовется друга пани ляшка:

„Нема мого пана Кордаша!
„Десь його Хмельницького козаки повели до
свого коша.“

Озоветься третя пани ляшка:

„Нема мого пана Якуба!
„Десь узялы Хмельницького козаки та либонь
повисылы десь на дуба.“

СМЕРТЬ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦЬКОГО.

Зажурылася Хмельницького сидая голова,
Що пры йому ни сотныкивъ, ни полковныкивъ
нема:

Часъ прыходыть умираты,
Никому порады даты.
Поклыкне винъ на Ивана Выговського,
Пысаря військового:
„Иване Выговський,
„Пысарю військовий!
„Скорійше бижы
„Да лысты пышы,
„Щобъ сотныкы, полковныкы до мене прыбувалы,
„Хочь мало пораду давалы!“
То Иванъ Выговський,
Пысарь військовий,
Лысты пысавъ,
До всихъ розсылавъ.
То сотныкы, полковныкы якъ ихъ прочыталы,

Усе покидали, до гетьмана Хмельницького ско-
рійшъ перебували.

То гетьманъ добре ихъ приймае,

Словамы промовляє:

„Панове молодци! добре вы дбайте,

„Соби гетьмана наставляйте;

„Бо я старъ, болю,

„Бильше гетьманомъ не зділю!

„Колы хочете, панове, Антона Волочая Кийвсь-
кого,

„Або Грыцька Костыря Мыргородського,

„Або Хвылона Чычая Кропывъянського,

„Або Мартына Пушкаря Полтавського.“

То козаки тее зачували, смутно себе малы,

Тяжко здыхали, словамы промовляли:

„Не треба намъ Антона Волочая Кийвського,

„Ни Грыцька Костыря Мыргородського,

„Ни Хвылона Чычая Кропывъянського,

„Ни Мартына Пушкаря Полтавського;

„А хочемъ мы сына твого Юруся молодого,

„Козака лестрового!“

— „Винъ, панове молодци, молодой розумъ мае,

„Звычайъ козацькихъ не знае.“ —

„Будемъ мы старыхъ людей бияя його держаты,

„Будутъ воны його научаты, будемъ його добре
поважаты,

„Тебе, батька нашого, гетьмана, спомынаты!...“

То Хмельницький тее зачувавъ, великую ра-
дисть соби мавъ,

Сидю головою поклинъ отдававъ, слёзы про-
ливавъ.
Скоро пился того ще й гирше Хмельныцькый
знемогавъ,
Опрошення зо всімы прыймавъ,
Мылосердному Богу душу отдавъ.

То не чорни хмари ясне сонце заступалы,
Не буйныи витры въ темнимъ лузи бушувалы, —
Козаки Хмельныцького ховалы,
Батька свого оплакалы...
А молодой Юрусь пидъ Билою Церквою гуляе,
Объ смерты отцевській не знае;
Скоро лейтари до його прыбувалы,
Лысты подавалы,
То Хмельныченко лысты якъ прочытавъ,
Свита Божого не зыдавъ!
То не багато Выговськый гетьмановавъ,
Пивтора года булаву державъ.
Скоро сотныкы, полковныкы прыбувалы,
Юрася Хмельныченка гетьманомъ поставлялы:
„Дай же, Боже! — козаки промовлялы:
„За гетьмана молодого
„Жыты якъ за старого,
„Хлиба-солы його вжываты,
„Городы турецьки плиндроваты,
„Славы, лыцарства козацькому вйську доста-
ваты.“

ПРО ХВЕСЬКА АНДЫБЕРА.

Ой полемъ, полемъ Кылымськымъ,
Бытымъ шляхомъ Ордынськымъ,
Гей гулявъ, гулявъ бидный козакъ-нетяга симъ
годъ и чотыри,

Та потерявъ съ пидъ себе тры кони вороныи.

На дванадцятый годъ повертае,—
Козакъ-нетяга до города Черкасъ прыбуае.

На козаку, бидному нетязи,
Тры сиромъязи,

Опанчына рогозовая,
Поясына хмелова́я

На козаку, бидному нетязи, сапъянщи—

Выдно пъяты й пальци,

Де ступыть—босои ноги слидъ пыше.

А ще на козаку, бидному нетязи, шапка-бырка—

Зверху дирка,

Хутро голе, окольщи Бигъ мае;

Вона дощемъ покрыта,

А витромъ, на славу козацьку, пидбыта.

Ище жъ то козакъ, бидный нетяга, до гóрода
Черкасъ прыбуае,

Насти Горовои, кабашныщи степовой, шукае-
пытае.

Скоро козакъ-нетяга Насти Горовои, кабаш-
ныщи степовой, допытався,

Заразъ у свитльцю вбрався.

Тамъ пылы тры ляхы,
Дуки-срибляныкы:
Первый пывъ Гаврыло Довгополенко Переяс-
лавський,

Другый пывъ Війтенко Ниженський,
Третій пывъ Золотаренко Чернигивський.

Отъ воны пылы-пидпывалы,
Съ козака-нетягы насмихалысь,
На шынкарку поклыкалы:
„Гей, шынкарко Горовая,
„Насте молодая!
„Добре ты дбай—
„Намъ солодки меды, оковыту горилку ще пид-
сыпай,
„Сього козака, пресучого сына, у потылицю
съ хаты выпыхай;
„Бо десь винъ по вынныцяхъ, по броварняхъ
валявся,
Опалывся, ошарпався, обидрався,
„До насъ прыйшовъ добуваты,
„А въ иншу корчму буде несты пропываты.“

Тоди шынкарка Горовая,
Настя, кабашныця степовая,
Козака-нетягу за чубъ брала,
Въ потылицю съ хаты выбывала.
То козакъ-нетяга добре дбае,
Козацькымы пъятамы опынае.

Поты пъявся,

Поки до порога добрався.

Козацькымы п'ятамы за поригъ зачинае,
А козацькымы рукамы за одвиркы хапае,
Пидь мысникъ голову козацьку молодецьку ховае.
Тоди два ляхы, д'ўкы-срибляныкы на його по-
глядалы,

Зь його насмихалы,

А третій, Гаврыло Довгополенко Переяславсь-
кий, бувъ обашный:

Изъ кармана людськѹ денежку виймавъ,
Насті кабашній до рукъ добре отдававъ,

А ще стыха словамы промовлявъ:

„Гей, каже, ты шынкарко молода, ты, Насте
кабашна!

„Ты, каже, до сихъ бидныхъ козакивъ-нетягъ
хочъ злая, да й обашна:

„Колы бь ты добре дбала,

„Сю денежку до рукъ прыймала,

„До погребѣ одходила,

„Хочъ нороцового пыва уточыла,

„Сьому козаку, бидному нетязи, на похмилля
жывить його козацький скрепыла.“

Тоди Настя Горвая,

Шынкарка степовая,

Сама въ льохъ не ходыла

Да наймычку посылала:

„Гей, дивко наймычко!

„Добре ты вчыны,

„Кинву-чвертивку въ руки вхопы

„Та въ лѣохъ убижи,
„Та висимъ бѣчокъ мыны,
„А зъ девѣятои поганого пыва наточы.
„Якъ маемъ мы його свынямъ выливаты,
„То будемъ мы його на такихъ нетягъ роздаваты.“

Тоди дивка наймычка у лѣохъ убигала,
Та девѣять бѣчокъ мынала,
Та зъ десятои пѣяно́го чола́ меду наточыла
Та въ свитлыцю вхождае,
Свѣй нисъ геть одъ кинвы одвертае,
Буцимъ то те пиво воняе.

Якъ подады козаку въ руки ту кинву,
То винъ ставъ била печи
Та й почавъ пидпываты пывце грѣче.
Взявъ, разъ покоштувавъ, удруге напывся,
А втрете якъ узявъ ту кинву за ухо,
То зробывъ у тѣй кѣнивци сухо.
Якъ ставъ козацьку хмиль голову розбираты,
Ставъ козацькѣнивкою по мосту добре погриматы,
Сталы въ дукивъ-срибляныкивъ изъ стола чар-
кы й пляшкы скакаты,
И стала шинкарська груба на десять штукъ
скризь по хати литаты.
Не сталы тоди ляхы, дуки-срибляныкы,
за сажею свиту Божого выдаты.

Тоди ти ляхы, дуки-срибляныкы, на його по-
глядалы,

Словамы промовлялы:

„Десь сей козакъ-нетяга нигде не бувавъ,

„Добрыхъ горилóкъ не пывавъ,

„Що його й погане пыво опъяныло!“

Якъ ставъ козакъ-нетяга тее зачуваты,

Ставъ на ляхивъ гризно гукаты:

„Гей вы, ляхове,

„Вразьки сынове!

„Икъ порогу посувайтесь,

„Мени, козаку-нетязи, на покути мисце попу-
скайте!

„Посувайтесь тисно,

„Щобъ було мени, козаку-нетязи, де на поку-
ти изъ лãптямы сисы!“

Тоди ляхы, дуку-срибляныкы, добре дбалы,

Дальше икъ порогу посувалы,

Козаку нетязи билше мисця на покути попу-
скалы.

Тоди козакъ-нетяга на покути сидае,

Ись-пидъполы позлотыстый недолымокъ выньмае,

Шынкарци молодий за цеберъ меду застановляе.

Тоди ти ляхы, дуку-срибляныкы, на його по-
глядады,

Словамы промовлялы:

„Гей шынкарко Горовая,

„Насте молодая,

„Кабашныце степовая!

„Нехай сей козакъ, бидный нетяга, не мається
въ тебе сеи заставщыны выкупляты,

„Намъ дукамъ-срибляныкамъ нехай не зарика-
еться волю поганяты,

„А тоби, Насти кабашній, грубъ топыты.“

Отгоди то козакъ, бидный нетяга, якъ ставъ
сіи слова зачуваты,

Такъ винъ ставъ чересѣкъ выньматы,

Ставъ шынкарци молодій, Насти кабашній, увесь
стиль червинцямы устылаты.

Тоди дуки-срибляныкы, якъ стали въ його чер-
винци зоглядаты,

Тоди стали його витаты

Медомъ шклянкою

И горилкы чаркою.

Тоди й шынкарка Горовая,

Настя молодая,

Истыха словами промовляе:

„Эй козаче, каже, козаче!

„Чы снйдавъ ты сьогонди, чы обидавъ?

„Ходимъ зо мною до кимнаты,

„Сядемъ мы съ тобою поснидаемъ,

„Лы пообидаемъ.“

Тоди то козакъ, бидный нетяга, по кабаку по-
хождае,

Кватырку одчыняе,

На быстрыи рикы поглядае,

Клыче, добре поклыкае:

„Ой рикы, каже, вы рикы низовіи,

„Помошныци Днипровіи!

„Теперь або мене зодягайте,

„Або до себе прыньмайте!“
Оттоди одынъ козакъ иде,
Шаты дорогой несе,
На його козацьки плечи надіе;
Другый козакъ иде,
Бѣты сапъянѣви несе,
На його козацьки ноги надіе;
Третій козакъ иде,
Шлычокъ козацькый несе,
На його козацьку голову надіе.

Тоди дуки-срибляныкы стыха словами промовлялы:
„Эй не есть же се, братци, козакъ, бидный не-
тяга,
„А есть се Хвесько Кганжа Андыберъ,
„Гетьманъ Запорозькый!..
„Прысунься ты до насъ, кажутъ, бльжче,
„Поклонимось тоби ныжче,
„Будемъ радуться, чы гараздъ-добре на славній
Украини прожываты.“

Тоди стали його витаты медомъ шклянкою
И горилкы чаркою.
То винъ тее одъ дукивъ-срибляныкивъ прыймавъ,
Самъ не выпывавъ,
А все на свои шаты проливавъ:
„Эй шаты мои, шаты! пьйте-гуляйте:
„Не мене шанують, бо васъ поважають.
„Якъ я васъ на соби не мавъ,
„То й честы одъ дукивъ-срибляныкивъ не знавъ.“

Тоди то Хвесько Кганжа Андыберъ, гетьманъ За-
порозькый, стыха словами промовляе:

„Эй козаки, каже, диты, друзи молодци!

„Прошу я васъ, добре дбайте,

„Сихъ дукивъ-срибляныкивъ за либъ, наче во-
ливъ, изъ-за стола вывождайте,

„Передъ викнамы покладайте,

„У тры березыны потягайте,

„Щобъ вони мене споминалы,

„Мене до вику памъяталы!“

Тилкы Гаврыла Довгополенка Переяславського
за те любовивъ,

Край себе садовивъ,

Що винъ йому за свою денежку пыва купивъ.

Тоди жъ то козаки, диты, друзи, молодци,
добре дбалы,

Сихъ дукивъ-срибляныкивъ за либъ бралы,

Изъ-за стола, наче воливъ, вывождали,

Передъ викнамы покладалы,

У тры березыны потягалы,

А ще стыха словами промовлялы:

„Эй дуки, кажуть, вы дуки!

„За вами вси лугы й луки,—

„Нигде нашому брату, козаку-нетязи, статы

И коня попасты!“

Одъ кобзаря Андрія Шута у Чернигивщыни.

ИВАСЬ УДОВЫЧЕНКО.

I.

Ой на славній, панове, України,
У славнимъ городи у Корсуни,
Тамъ крыкне-поклыкне
ХвYLONъ, Корсунський полковныкъ,
Козакивъ на Черкень-долыну увъ охотне вйсько
выклькае:

„Гей, козаки, диты, друзи!

„Прошу я васъ, добре дбайте:

„Чы нема миждо вами котрого козака старынного,

„Отамана куринного,—

„У первому рази на герци погуляты,

„За виру хрыстыянську одностайне статы?

„Чы не мигъ бы котрый козакъ соби славы-
льщерсьвiя достаты?“

II.

Оттогди жъ то у городи Крылови жыла соби
удова,

Старенька жона,

По мужеви Грыцьха,

А на призвыще Коновчыха,

Та мала соби сына едыного—Ивася Вдовыченка;

Змалку лелила, у наймы не пускала,

Чужымъ рукамъ на потырання ве давала.

Ище жъ то вдова гласъ козацький зачувае,

Сына свого, Ивася Вдовыченка, у поле до плу-
гивъ одсылае.

III.

Оттогди то Хвылонь, Корсунський полковникъ,
На доброго коня сѣдавъ,
До города Крылова прыбувавъ,
Хрещатый короговъ на рынку поставлявъ,
Осавулы по вулицяхъ рассылавъ,
Червоніи прапоркы у руки дававъ.
Осавулы по вулицяхъ пробигалы,
Червоніи прапоркы у рукахъ проношалы,
Козакивъ на Черкень-долыну увъ охотне вѣйсько
выкыкалаы.
Ище жъ то самъ Хвылонь, Корсунський пол-
ковникъ,

На доброго коня сѣдае,
Миждо вынныци и миждо броварныци пробигае,
Ище стыха словами промовляе:
„Гей вынныкы, броварныкы!
„Годи вамъ по запичкахъ валяться,
„По броварняхъ пывъ варыты,
„По вынныцяхъ горилокъ курыты,
„Очей своихъ молодецькыхъ выкуряты,
„Своимы молодецькымы плычмы сажы вытыраты,
„Ходите зъ Хвылономъ, Корсунськымъ полков-
ныкомъ,
„На Черкень-долыну увъ охотне вѣйсько гуляты:
„Чы не мигъ бы котрый козакъ соби славы-
лыцерсѣвтія достаты!“

IV.

Оттогди жъ то Ивась Удовыченко у поли гласъ
козацькый зачувае,

Ись поля до господы пихотою прыбувае,
До матери, старенькой удовы, крыжемъ у погы
впадае:

„Ой маты моя, вдово,

„Старенька жоно!

„Благословы мени, козакови молодому, у первому
рази на герци погуляты,

„За виру хрыстыянську статы:

„Чы не мигъ бы я соби славы-лыцерствія до-
статы?“

Тоди то вдова стыха словамы промовляе:

„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя мое;

„Чы тоби въ мене ничего спыты,

„Чы ничего ззисты,

„Чы ни въ чому хороше сходыты?

„Чы тебе городова старшына не знае,

„Чы мищанська челядь не поважае?

„Есть у насъ кони вороніи

„И чотыри волы плуговіи, —

„Будемъ мы у поли хлибъ ораты,

„Будемъ панивъ и козакивъ на хлибъ-на силь
затягаты,

„Будуть насъ безъ лыцерствія добре знаты.“

То Ивась Удовыченко промовляе:

„Ой маты моя, вдово,

„Старенька жено!

„Хоча жъ у насъ е й кони вороніи

„И чотыри волы плуговіи,

„Хоча мы будемъ у поли хлибъ ораты,

„Будемъ панивъ и козакивъ на хлибъ-на силь
затягаты,

„Будуть мене паны и козаки на пидпытку зне-
важаты:

„Полежіемъ, домотуромъ, гречкосіемъ узываты.

„А колы бѣ ты, маты, добре дбала,

„Девъятеро скоту исъ кошары на выбирь зай-
мала,

„До города Корсуна одбувала,

„Изъ жыдомъ-рандаремъ торгъ торгувала,

„Мени, Ивасеви Вдовыченку, коня на славу
спаровляла,

„Що моя душа козацька бардзе улюбовала.“

Тоди то удова,

Старенька жона

Истыха словамы промовляе:

„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя мое!

„Не за тобою си скарбы маеткы збирала,

„Щобъ я тоби коня на славу спаровляла!“

— „Щобъ же ты сього говорыть не дождала!“ —

V.

Оттоди то якъ у святой день у недилю

Удова,

Старенька жона,

До Божой церкви икъ утрени одходила, ,

Всю козацькую зброю у кимнату замыкала

Тилкы шаблю булатну

Та пыщаль семьпъядну

На килку покыдала.

Тоди жъ то Ивась Удовыченко
Шаблю булатну
И пыщаль семыпгядну
Забирае,
Козацьке соби запалчыве серце мае,
Келепомъ кимнату одбывае,
Всю козацьку зброю на плечи забирае,
Пихотою увъ охотне вѣйсько поспишае,
Матирь стареньку на воротахъ стричае,
Изгорда словамы промовляе:
„Гей маты моя, вдово,
„Старенька жоно!
„Не подобало бѣ тоби козакови молодому и
дорогы переходыты,
„Подобало бѣ тоби въ кутку сыдиты,
„Та хоть чужую дытыну малую колыхаты;
„Абы якъ зъ упокоемъ хлиба-солы ужываты.“
Тоди то вдова,
Старенька жона,
Ударыться обѣ полы рукамы,
Обиллеться дрибнымы сльозамаы,
Промовыть стыха словамы:
„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя мое!
„Бодай же ты й туды не дѣйшло
„И видты не прыйшло!
„Щобъ тебе перва куля не мынула,
„У первѣй вѣйськовѣй потреби спиткала!

VI.

Оттоди то вдова,

Старенька жона,
Два дни свого сына клене-проклинае,
На третій день подумае-погадае,
Руки до Бога здіймае,
Господа зъ небесъ благае:
„Дай мени, Боже, си слова передь собою маты,
„А свого сына, Ивася Вдовыченка,
„Хочь разъ у вичи повыдаты!“
Тоди жъ то вдова, — не вбогою себе мала, —
Одынадцятѣро скоту съ кошары на выбирь
займала,
До Корсуна одбавляла,
Изъ жыдомъ-рандаремъ торгъ торгувала,
Ивасеви Вдовыченку коня на славу спаровляла,
Ще козакови запорозькому симъ кипъ на жу-
панъ давала,
А тры копы на оковыту горилку:
„Эй козаче, козаче!
„Колы бъ ты добре дбавъ:
„Де мого сына нагоньшъ,
„Тамъ його оконьшъ,
„Добрымъ лыцаремъ настановышъ:
„Нехай винъ по походахъ пихотою не ходыть,
„Своихъ молодецькихъ нижокъ не врывае,
„Мене, матери, старенькой вдовы, не проклинае!“

VII.

Тоди то козакъ, — якъ винъ коня до рукъ
прыймавъ,
На Гайманъ-долыни козакивъ наганявъ,

Чотыри сотни обмынавъ,
У п'ятій сотни Ивася Вдовыченка пизнававъ,
Коня до рукъ йому уручавъ.
Тоди жъ то Ивася Удовыченко на доброго ко-
ня сидае,
Миждо козакамы якъ сокиль литае:
„Я жъ думавъ, що мене маты клене-прокльнае,
„Ажъ вона про мене велькее старання мае.
„Дай мени, Боже, сей походъ сходыты,
„Знавъ бы я, якъ свою матирь у доми спова-
жаты!“

VIII.

Оттоди то на Черкень-долыну прыбувалы,
Козацькымы таборамы посталы.
Тоди жъ то ХвYLONъ, Корсунський полковныкъ,
Изъ намету выходжае,
До козакивъ стыха словами промовляе:
„Гей козаки, диты, друзи!
„Прошу васъ, добре дбайте:
„Чы нема миждо вамы котрого козака ста-
рынного,
„Отамана куринного,—
„У первому рази на герци погуляты,
„За виру хрыстыянську достойно и праведно
статы?
„Чы не мигъ бы котрый козакъ соби славы-
льцерсвтія достаты?“
Тоди то вси козаки мовчалы,
Тилкы Ивася Удовыченко стыха словами про-
мовляе:

„Ой Хвылоне, Корсунський полковныче,
„Батьку старый!

„Благословы мени, козакови молодому,

„У першому рази на герци погуляты,

„За виру хрыстьянську достойно-праведно статы,

„Чы не мигъ бы я соби славы-лыцерьствія до-
статы?“

Тоди жъ то Хвylonъ, Корсунський полковныкъ,
Стыха словамы промовляе:

„Ой Ивасю Вдовыченку!

„Ще ты дытя молоде,

„Розумомъ недійшле,

„У походахъ не бувало,

„Кровы хрыстьянської не вбачало:

„Кровъ хрыстьянську побачышь,

„Барзе скоро изомліешъ.

„Чы не обереться котрый козакъ старынний?“

Тоди Ивась Удовыченко промовляе:

„Ой Хвылоне, Корсунський полковныче,

„Батьку старый!

„Визьмы ты утя одно старее,

„А друге малее,

„Пусты ты на воду:

„Чы не однаково буде плысты малее,

„Якъ бы старее?

„Чы не однаково буде козакъ молодой

„На герци гуляты, якъ бы старый?“

Тоди жъ то Хвylonъ, Корсунський полковныкъ,
Стыха словамы промовляе:

„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя молодеє!
„Колы жь ты мою загадку видгадавь,
„Благословляю жь тоби у первому рази на
герци погуляты!“

IX.

Тоди жь то Ивась Удовыченко,
Якъ одь Хвылона, Корсунського полковника,
Благословення прыймавь,
Самъ на доброго коня сидавь,
Миждо козацькымы таборамаы пробигавь,
Шлыкъ ись себе скидавь,
Хрестъ на себе складавь,
Батькову й матчыну молитву спомынавь,
Изъ усякымъ козакомъ сердешне опрощення
мавь,
Старого козака риднымъ батькомъ узывавь,
Молодого козака риднымъ братомъ узывавь,
На турецьки таборы пробигавь,
Турецьки наметы поперевертавь,
Турокъ пьятдесять пидъ мичъ узявь,
Девъятеро живцемъ изьязавь,
Передь Хвылона, Корсунського полковника,
Въ наметъ прыставлявь.

X.

Тоди то Хвылонь, Корсунський полковникъ,
Изъ намету выходжає,
Ивася Вдовыченка риднымъ братомъ узыває:
„Ой Ивасю Вдовыченку, братику мій ридный!
„Десь ты, каже, у походахъ бувавь,

„Козацькихъ звичаивъ познавъ;
„Прошу жъ теперъ до свого намету,—
„Сядемъ мы съ тобою, поговоримо про ко-
зацьки прыкметы.“

Тоди жъ то Ивась Удовыченко
Съ Хвылономъ, Корсунськимъ полковникомъ,
Попличъ сїдае,
Медъ та оковиту горилку попывае.
Якъ ставъ у соби нещасный хмиль зачуваты,
Ставъ удруге у Хвылона, Корсунського пол-
ковника,

Благословення прохаты.
Тоди то Хвылонъ, Корсунський полковникъ,
Истыха словами промовляє:
„Ой Ивасю Вдовыченку, братику мій ридный!
„Не велю я тобі пидпылому на герци гуляты,
„А велю я тобі у намети на моему лижкови
одпочиваты.“

XI.

Тоди то Ивась Удовыченко на те не вважае,
Удруге на доброго коня сїдае,
Миждо козацькымы таборами пробигае,
Шлыка не скыдае,
Хреста на себе не складае,
Батьковой й матерыной молитвы не спомынае.
И всякого козака зневажае.
Тоди то на Черкеню долину пробигавъ...
Якъ ставъ изъ-нызу литній витеръ повиваты,
Ставъ його нещасный хмиль изнемогаты,
Ставъ винъ коневи на грыву излягаты,

Ставъ и поводы зъ рукъ упускаты...
Сталы його Туркы пидпылого пизнаваты,
Сталы по очеретахъ засидаты,
Сталы його съ коня збываты...
Ставъ його кинь по Черкень-долыни самъ гуляты.

XII.

Тоди жъ то Хвылонъ, Корсунський полковныкъ,
Изъ намета выходжае,
На Черкень-долыну поглядае,
До козакивъ стыха словами промовляе:
„Гей козаки, диты, друзи!
„Прошу я васъ, добре дбайте,
„На кони сидайте,
„На Черкень-долыну пробигайте:
Не дурно Ивася Вдовыченка кинь по степу
гуляе,
Мабуть нашого первого лыцаря на свити немае.
Хочъ його тило у трупу знахождайте,
Передъ Хвылона, Корсунського полковныка,
У наметъ прыставляйте.“

XIII.

Оттоди то козаки добре дбалы,
На кони сидалы,
На Черкень-долыну пробигалы,
Ивася Вдовыченка у трупу тило знахожалы,
Вже винъ и очыма не гляне
И рукамы не здійме,
И ногамы не пйде.
Тилкы стыха словами промовляе:

„Помалу, братття! не вразьте моихъ смертель-
ныхъ ранъ.

„Не булатными шаблями мене рубалы,

„Не ордынськымы стриламы съ коня збывалы, —

„Се мене батькова молитва та матерыны сльозы
побылы!“

Оттоди то козаки добре дбалы,

Ивася Вдовыченка взялы,

Передъ Хвылона, Корсунського полковныка,

У наметъ приставлялы.

Тоди жъ то Хвылонъ, Корсунський полковныкъ,

Изъ намета вихождае

И стыха словами промовляе:

„Ой Ивасю Вдовыченку, братику мій ридный!

„Я жъ тобі не веливъ пидпылому на герци гуляты,

„А веливъ тобі у намети на моему лижкови
одпочываты!“

Тодито Ивасъ Удовыченко стыха словами про-
мовляе:

„Ой Хвылоне, Корсунський полковныче,

„Батьку старый!

„Не булатными шаблями мене рубалы,

„Не ордынськымы стриламы съ коня збывалы, —

„Се мене батькова молитва та матерыны сльозы
побылы.“

То Хвылонъ, Корсунський полковныкъ, промовляе:

„Де жъ теперь, Ивасю Вдовыченку, повельшъ
поховаты:

„Чы до города Крылова одбавляты,

„Чы на Черкени-долыни по козацькій поховаты?“

— „Ой Хвылоне, Корсунський полковныче,
„Батьку старый!
„Не вело я тоби до города Крылова одбаляты,
„Мойй матери тугы й жалю завдаваты,
„А вело на Черкени-долыни по козацькій по-
ховаты...”

XIV.

Оттоди жъ то козаки добре дбалы,
Штыхамы сүходиль копалы,
Шлыкамы землю выношалы,
Изъ усякихъ пыщаль подзвоннылы,—
По Ивасю Вдовыченку похоронъ ишчынылы...

XV.

Оттоди то козаки назадъ до города Корсуна
прибувалы.
То ще вдова козакивъ стричала,
У козакивъ сына свого пытала.
То одынъ козакъ сказавъ ий правду:
„Эй маты, вдово,
„Старенька жено!
„Не журысь по своему сынови, Ивасю Вдовыченку.
„Уже жъ теперь твій сынъ на Черкени долыни
оженывся...
„Понявъ соби Туркению, препышную панну;
„Уже жъ винъ и въ вйсько не ходыть,
„Ніякои подати не дае...
„Нихто въ козацькій уголь не стукае.”

Оттоди то вдова не догадлива бувала,
Ще у другого козака правды пытала.
То другый козакъ усю правду їй сказавъ:

„Эй удово,

„Старенька жено!

„Не журись по своему сынови, Ивасю Вдовыченку:
„Уже жъ теперь твѣй сынъ на Черкени долини
оженывся:

„Понявъ соби Туркеню, препышную панну;

„Уже жъ теперь винъ въ вѣйсько не ходыть,

„Ніякои подати не дае...

„Нихто въ козацькый уголъ не стукае:

„Понявъ соби панянку—

„У чыстимъ поли могылу-землянку;

„На могыли травы зелененьки

„И квиткы биленьки...“

— „А я жъ думала, що буду изъ своимъ сыномъ
жыты,

„Чужоземськый невестци годыты,

„Абы-якъ зъ упокоемъ хлибъ-силъ ужываты!...“

XVI.

Оттоди жъ то удова—не убогою себе мала—

Всихъ козакивъ у двирь завертала,

Бочку меду, а другу оковытой горилкы выкотыла,

Всихъ козакивъ поила, годувала,

По Ивасю Вдовыченку похоронъ и весилля

щчыныла...

Оттоди жъ то Ивась Вдовыченко померъ,
А слава його не вмре, не поляже!..
Одъ кобзаря Андрія Шута зъ Чернигивської губ.

ПРО СМЕРТЬ КОЗАКА-БАНДУРНИКА.

Ой на Татарськихъ поляхъ,
На козацькихъ шляхахъ,
Не вовкы-сироманци квылять-проквыляють,
Не орлы-чорнокрыльци клеочуть и пидъ небе-
самы литають:
То сыдыть на могыли козакъ старесенькый,
Якъ голубонько сывесенькый,
У кобзу грае-выгравае,
Голосно спивае...

Кинь била його постриляный, порубаный,
Ратыще поламане,
Пихвы безъ шабли булатной,
У ладивницы ни однисенького набою.
Тилкы й зосталась йому бандура подорожня,
Та у глыбокій кышени люлька бурунька,
Та тютюну пивъ-папушкы.

Козакъ сердега люлечку потягае,
У кобзу грае-выгравае,
Жалибно спивае:
„Гей, братця, паны молодци,

- „Козаки Запорожци!
„Де ты ся повертаете,
„Акъ вы ся маете?
„Чи до Сичы-матери прыбуваете?
„Чи до Сичы-матери прыбуваете,
„Чи Ляхивъ-ворогивъ кыямы покладаете?
„Чи Татаръ бусурменивъ малахаямы, якъ череду,
у полонъ заганяете?
„Колы бь мени Богъ помигъ стари ноги рос-
правляты,
„За нами поспишаты,
7. ? бь ще я здужавъ на останку вику вамъ
8. I заграты,
9. I „Голосно заспиваты!
10 Нехай бы моя кобза знала,
11 мене рука хрыстыянська поховала!
вже мени старенькому безъ кобзы пропадаты:
„Не зможу я по степахъ чвалаты,
Будуть мене вовкы-сироманци зустриваты,
Будуть дидомъ за обидомъ коня мого зайидаты.
„Кобзо жь моя, дружно вирная,
„Бандуро моя мальованая!
„Де жь мени тебе диты?
„А чы у чыстому степену спалыты
„И попилецъ по витру пустыты?
„А чы на могыли положыты?
„Нехай буйный витерьъ по степахъ пролитае,
„Струны твои зачинае,
„Смутнесенько, жалибнесенько грае-выгравае.

„То, може, подорожни козаки бигтымуть блы-
зенько,
„Почують, що ты граешъ жалибненько,
„Прывернуть до могылы...“
Одъ бандурыста съ Полтавської губ.

Кінець „Дунамъ Кобзарськымъ“.

ЯКИ ТУТЬ Е ДУМЫ.

1. Про вдову и трьохъ сынивъ	3
2. Про сестру та брата	6
3. Невольницький плачь 1	10
4. Невольницький плачь 2	13
5. Про Марусю Богуславку	16
6. Про трьохъ бративъ Озивськихъ	20
7. Про Кирику Самійла	31
8. Про Олексія Поповича	48
9. Про козака Голоту	52
10. Про Хведора Безридного	57
11. Про смерть трьохъ бративъ коло Самарки	61
12. Хмельницький та Барабашъ.	64
13. Про жыдивъ-рандаривъ	72
14. Корсунська баталія	75
15. Смерть Богдана Хмельницького	79
16. Про Хвеська Андыбера	82
17. Ивась Удовыченко	90
18. Про смерть козака-бандурника	104

9

avg 14.

50-

98. 108

К	Ф. № 3
А	Акт №
	Порядковий № 39
	Ціна 200 крб. коп.
	Магазин №
КИЇВКНИГИ	
З. 5612—100.000.	

PKM

1960

10